

№ 39-40

ЦЕНА 50 САНТ.

ОРГАН
РУССКИХ АНАРХИСТОВ-КОММУНИСТОВ

Август Сентябрь 1928 г.

«DIELO TROUDA» Journal Mensuel
Переписку по делам журнала, рукописи и пр. направлять по адресу:
Mr G. Franssen (pour Dielo Trouda) 9, rue de l'Eperon, Paris VIe

4-ый год издания

Знаменательная годовщина

Недавно — в августе — исполнилось 25 лет с момента основания первой русской анархистской газеты: в августе 1903 года вышел первый № ежемесячного издания «Хлеб и Воля». Первой в точном смысле эта газета не была: задолго до того, ярко-анархическим духом была проникнута народническая революционная печать 70-х годов. Но отклонение в сторону было так продолжительно и так сильно; новые, народившиеся за это время социалистические течения были так далеки от анархизма; рост социал-демократии был так быстр и силен, что когда голос анархической пропаганды вновь раздался в России, он звучал как нечто совершено новое и неслыханное. Анархистам приходилось все начинать с начала. Первым их делом было издание на руском языке основных произведений анархической литературы, знакомивших с теоретическими и практическими положениями анархизма: были изданы «Анархия, ее философия», «Речи бунтовщика», «Хлеб и Воля», «Современная Наука и Анархизм» П. А. Кропоткина, «Парижская Коммуна» Бакунина, «Умирающее общество» Грава и несколько брошюр. Начало этим изданиям было положено еще в 1892 году группой товарищей в Швейцарии; затем дело быстро расширилось и к 1902-1903 годам у нас уже было, в книжках и брошюрах, все существенно необходимое для пропаганды новой идеи. Но этого было мало: в России в эти годы революционное движение быстро наростало, время было живое и горячее; необходим был периодический орган, который бы откликался на события и давал с анархической точки зрения ответы на злободневные запросы. Таким органом явилась «Хлеб и Воля».

Избрав названием газеты заглавие одного из основных сочинений Кропоткина по анархизму, молодая анархическая группа, взявшая на себя инициативу издания, сразу определила его характер. «У нас есть, говорил один из членов этой группы, своей Ветхий Завет — «Речи Бунтовщика» и свой Новый Завет — «Хлеб и Воля». «Не только хлеб, но и воля; не только воля, но и хлеб» — так начиналась первая передовая статья нового органа, и сразу же определялось отношение его к основному вопросу того времени (да и теперь оставшемуся основным, хотя и принявшему совершенно иную форму): о сравнительной ценности освобождения труда от эксплуатации и освобождения личности от гнета. «Хлеб и Воля» сразу ставила обе эти цели не только как равноценные, но и как нераздельные по самому существу анархического мировоззрения; она провозглашала, что ни политическою свободою, ни экономическим равенством анархизм жертвовать не может. Эта целостность впоследствии не всегда сохранялась в анархических группах, но она всегда оставалась одною из отличительных черт т. наз. «хлебовольческого» направления.

Крайне важно было, с кем, с какими идейными и революционными течениями прошлого, свяжет себя «Хлеб и Воля», как она определит свою историческую преемственность. Ответ был дан очень ясный: «хлебовольцы» считали себя преемниками и продолжателями дела федералистической ветви первого Интернационала и свой анархизм определяли как «бакунинско-кропоткинский». В истории *русского* революционного движения они связывали себя не менее ясно с русским революционным народничеством 70-х годов. Историческая преемственность определяла и отношение к различным формам современного движения: «Хлеб и Воля» заявляла себя солидарною с тем революционным рабочим движением, которое тогда быстро развивалось в Западной Европе под названием революционного синдикализма. Деятельность в рабочей среде для обеспечения будущей революции ее истинно-

народного, социального характера выдвигалась как естественая и первая обязанность анархического движения. В последующие годы в русско-анархическом движении народились иные направления, скептически относившиеся к массовым рабочим движениям, больше значения придававшие отдельным индивидуальным актам протеста: появился антисиндикализм и безмотивный террор. «Хлебовольцы» не отрицали террористических актов, но они оценивали их всегда с точки зрения того, что было для них главным: той пользы, которую они могут принести для движения вперед народной массы. Много споров происходило на этой почве среди русских анархистов начала 900-х годов. «Хлебовольцы» —прямые продолжатели той основной линии анархизма, которая ведет свое начало от Бакунина и Кропоткина — были в этих спорах наиболее последовательными; их противники существенно отклонялись от нее, но за них была жившая в душах молодежи потребность в непосредственных боевых действиях и, в общем, они оказались в России в большинстве. Разбирать эту историческую тяжбу здесь не место, но очень возможно, что если бы дело повернулось иначе, русский анархизм, понесший неисчислимые потери в эпоху революции 1905 года, оставил бы более глубокий след и ко времени новой, победоносной, революции нашел бы более подготовленную почву. И в недрах собственного своего движения он сохранил бы несколько иные традиции, которые дали бы ему возможность быстро разцвесть.

Говоря о нашей первой газете, отдадим должное памяти ее инициатора, нашего дорогого товарища Г. И. Гогелия (К. Оргеиани), бывшего в эти ранние годы неоценимым по своей убежденности, искренности и талантливости пропагандистом анархической идеи. Судьба не дала ему возможности приложить свои силы в наши дни: революция 1917 года застала его уже безнадежно-больным. Но пусть молодые товарищи не забудут его имя!

Много лет прошло со временни основания газеты «Хлеб и Воля», но многие из вопросов, ставившихся тогда, живы и теперь. И «хлебовольчество» имеет не только исторический интерес: если анархизм хочет стать не только индивидуальною философиею, но и общественным течением, он должен пойти по тому «бакунинско-кропоткинскому» пути, на который вступила 25 лет тому назад «Хлеб и Воля», и — *в свете нового опыта*—дать именно с этой точки зрения решение новым выдвинутым жизнью вопросам.

«Дело Труда» именно в этом направлении стремится вести свою идейную и практическую работу.

В этом № «Дела Труда» мы даем ряд характерных выдержек из газеты «Хлеб и Воля».

Годовщина убийства Сакко и Ванцетти

Ровно год назад мир сотрясался актами возмущения и протеста международного пролетариата, пытавшегося спасти двух лучших своих сынов — Сакко и Ванцетти. Он был свидетелем величайшего под'ема, воодушевления и солидарности, проявленными классом угнетенных тружеников, и величайшего ожесточения, злобы и ненависти, проявленными господствующим классом капиталистов.

Вокруг дела Сакко и Ванцетти мир, как никогда, распался на два резко враждебные друг другу стана — протестующий труд и злобный ненавидящий капитал. Борьба шла не за спасение только двух невинно осужденных страдальцев — она шла между двумя мирами, каждый из которых отстаивал свою правду, боролся за свою совесть.

Мир труда во всех странах, в каждом городе, где дымилась хоть одна фабричная труба, требовал сохранения жизни Сакко и Ванцетти, их освобождения. Из месяца в месяц, из года в год шли протесты рабочего класса и к историческим дням казни Сакко и Ванцетти весь международный пролетариат встал на ноги. Десятки миллионов рабочих и работниц Старого и Нового света с крайнимнапряжением следили за развивающейся катастрофой, и когда день ее приблизился, они высыпали на улицы больших и малых городов и возгласами: «Да здравствуют Сакко и Ванцетти!» заявили свою волю.

Мир капитала приготовился к ответным действиям. Во всех государствах была мобилизована полиция и брошена на манифестирующих пролетариев. В течение последней недели перед казнью Сакко и Ванцетти улицы больших городов Европы Америки оглашались бурными манифестациями и орошались кровью манифестирующей рабочей массы.

22-го августа, в назначенный день казни Сакко и Ванцетти в Женеве произошло настоящее сражение между рабочими и полицией, во время которого были убитые и раненые. Рабочие Парижа, несмотря на категорическое воспрещение правительства, вышли на улицу и с возгласами: «Смерть палачам! Да здравствуют Сакко и Ванцетти!» заполнили аристократическую часть города. В начавшемся затем сражении, длившемся в разных частях Парижа несколько часов, было ранено несколько сот рабочих, а также около 120 полицейских. В тот же день рабочие манифестации, сопровождавшиеся столкновениями с полицией, убийствами и ранениями рабочих, произошли в Лондоне, во многих городах Германии, Австрии, Швеции, Португалии, Аргентине, Чили, Монтевидео и т. д.

Решительность и самопожертвование, которые проявил рабочий класс в борьбе за жизнь Сакко и Ванцетти, составляют одну из самых великих, самых вдохновенных страниц в истории мировой пролетарской борьбы. Лишь в Советской России, в стране «диктатуры пролетариата» это воодушевление было придушено произволом власти: совласть категорически воспретила анархистам организовать свой вечер, свой митинг протеста, и они должны были оставаться немыми свидетелями происходящего во всем мире великого одушевления пролетариата.

Пролетариат всех стран чувствовал, сознавал и ви-

дел, что международный капитал стремится упиться самой лучшей, самой чистой кровью рабочего класса, что, убивая Сакко и Ванцетти, он стремится растоптать душу, совесть и самую идею освобождения труда.

Международный пролетариат вышел на улицы, пролил свою кровь и тем навсегда связал трагическую судьбу Сакко и Ванцетти с своей собственной судьбой. Хищный капитал, главным образом, это и ненавидел в Сакко и Ванцетти. Меньше всего он мог помириться с тем, что пролетариат выражает свою класовую волю и что эта воля настойчиво выявляется в деле Сакко и Ванцетти. Убийством последних он лучше всего мог выразить свое непримиримо враждебное отношение к этой воле. И он, не колеблясь, убил Сакко и Ванцетти под стоны и проклятия десятков миллионов. Более наглядно, более четко он не мог демонстрировать своей гнусной сущности, своего палаческого отношения к миру тружеников, к великим проявлениям их души и совести.

Никогда не забудут этого трудящиеся мира!

Убийство Сакко и Ванцетти непроходимым рвом легло между современным без конца лживым капиталистическим строем и рабочим классом. Между ними не может быть ни мира, ни перемирия. Лишь беспощадное, до конца идущее разрушение этого строя во имя свободного, анархического общества тружеников может быть делом пролетариата. Смерть Сакко и Ванцетти сплотила пролетариат на этом деле и указала ему путь борьбы.

В своем послании к «*Товарищам всего мира*», из «дома мертвых» Сакко и Ванцетти писали: «Наше дело это война за свободу народов против плутократии. Мы умрем за анархию. Да здравствует анархия!» (Ванцетти). — «Мы встречаем смерть с гордостью и умрем, как умеют умирать анархисты за свое дело, за своих братьев и товарищей» (Сакко). Последними словами Сакко, уже прикрепленного к электрическому стулу, были: «Умираю за анархию».

Большой грубостью большевиков по отношению к памяти замученных борцов являются их старания во что бы то ни стало скрыть анархическую идеологию Сакко и Ванцетти и ту активную борьбу в рядах анархизма, которую они в течение всей своей революционной деятельности вели против капитала и против государства *во всякой его форме*. Назвать их печатно членами коминтерна большевики не решились, ибо слишком громко, на весь мир, Сакко и Ванцетти заявили, что они анархисты и умирают за анархизм. Но свою печатную кампанию совласть, а по ее приказу и компартии остальных стран вели так, что у непосвященного рабочего могло сложиться определенное мнение, что Сакко и Ванцетти — члены большевистского интернационала. И теперь большевики продолжают ту же политику. В передовой статье, посвященной годовщине казни Сакко и Ванцетти, «Правда» прямо пишет: «Убийство двух героических рабочих непреодолимой силой сверлило пролетарский мозг и вызывало в нем великую мысль о том, что борьбу надо вести против основ капиталистического режима, что надо активно вести борьбу за рабочую власть, за пролетарскую диктатуру» («Правда» от 22 августа 1928 г.). Здесь ясно проскальзывает желание связать имена, революционый дух и революционное мировоззрение Сакко и Ванцетти с идеей «диктатуры пролетариата», которую Сакко и Ванцетти, как анархисты, решительно отвергали, отлично зная, что диктатура партии неминуемо выльется в диктатуру правящей верхушки *над пролетариатом*. Политика большевиков, до того боящихся подлинно революционных идей, что они не смеют назвать Сакко и Ванцетти настоящими именами, ставит их поистине в смешное и жалкое положение.

Международный пролетариат и даже русский пролетариат знает, кто такие были Сакко и Ванцетти и почему большевики скрывают их анархическую сущность. Он восприимет их идеи в их настоящем смысле. В исторический день суда над буржуазией рабочий класс не забудет тех идей и тех путей борьбы за свободу и равенственное общество трудящихся, которые из «дома мертвых» и затем, умирая на электрическом стуле, завещали Сакко и Ванцетти мировому пролетариату.

Сакко и Ванцетти

(К годовщине их смерти).

Прошел год со дня подлого убийства Сакко и Ванцетти.

Ночью 23-го августа 1927 г. Сакко и Ванцетти были «законным» образом убиты на электрическом стуле. Их мертвые тела были сожжены и превращены в пепел. И злодейская совесть американских палачей успокоилась...

Кто такие убитые Сакко и Ванцетти?

Сакко и Ванцетти — итальянские рабочие, эмигрировавшие в 1910 г. в Сев. Америку в надежде найти в «золотой стране» лучшую рабочую долю. Не имея определенного ремесла, Сакко в первые годы своей эмигрантской жизни работал при постройках, затем был чистильщиком американских улиц, и, наконец, выучился сапожному ремеслу, работая в продолжении нескольких лет на одной обувной фабрике. Ванцетти также приходилось исполнять тяжелые работы, пока его здоровье не было надломлено, и он был вынужден взяться за работу на открытом воздухе — он начал продавать фрукты и рыбу с лотка.

Будучи интеллигентными и сознательными рабочими, Сакко и Ванцетти все свое свободное от работы время отдавали рабочему движению своих земляков-итальянских рабочих. Как люди определенных анархических взглядов, они агитировали за борьбу с врагами рабочего класса — капиталистами, империалистами и их прислужниками. И как анархисты и решительные противники войны, например, они категорически отказались от всякого участия в затеянной в 1917 г. американскими капита-

листами и банкирами войне, призывая итальянских и американских рабочих выступать против насильственного забирания их в армию.

Уже с этого времени начинаются преследования Сакко и Ванцетти со стороны власти. И в половине 1917 г., когда во время военной горячки американское правительство начало насильственно забирать в армию не только американских граждан, но также и иностранцев, Сакко и Ванцетти вынуждены были оставить пределы Соед. Штатов и уехать на время в ближайшую страну Мексику. Когда же военные страсти в стране немного улеглись, и охота на рекрутов - солдат затихла, они снова вернулись в Соед. Штаты и на устроенных здесь митингах вели агитацию против войны и за борьбу с капиталистами и власть имущими. В это же время они руководили одной забастовкой итальянских рабочих. Оба они — Сакко и Ванцетти, — как искренние борцы за рабочее дело, были любимы не только итальянскими, но и американскими рабочими, которые видели в них лучших своих друзей и защитников. И всем этим они породили злобу и ненависть среди капиталистов и властителей, решивших во что бы то ни стало освободиться от двух «опасных агитаторов».

Сакко и Ванцетти были арестованы 5-го мая 1920 г. по обвинению в двух преступлениях: ограблении банка и убийстве двух людей. Никаких прямых доказательств против них не было, понятно, выставлено, и все затеянное дело, таким образом, затягивалось на долгое время. Арестованные «преступники» просидели в тюрьме более 8-ми лет — в ожидании суда и окончательного приговора.

Но ни семилетняя тюремная агония Сакко и Ванцетти, ни их невиновность, ни протесты рабочих всего мира, — ничто не помогло оправданию или освобождению двух итальянских мучеников. Они были преступно осуждены на смерть и умерли на электрическом стуле.

Сакко и Ванцетти были убиты, как анархисты, но дух Анархии еще живет! Этот дух распространяется все шире и шире... И скоро придет время, когда вы, американские палачи, убившие двух невинных рабочих, сами, как преступники, предстанете перед судом восставших рабочих... И не будет вам пощады и милости, но месть за убийство Сакко и Ванцетти!

Л. Липоткин.

Два конгресса

I

В одно и то же время две могущественные организации, претендующие на руководство рабочим движением в мире, держали свои конгрессы. Коммунисты в Москве в течение семи недель совещались о методах и средствах всемирной революции. Социалисты в Брюсселе также обсуждали тактику своей борьбы с капитализмом. Первым — коммунистам — московское правительство обеспечило возможность спокойно обсуждать дела. Социалистов же защищала от всяких неприятностей королевская полиция. Только анархистам никаких конгрессов созывать не дают и нет государства, готового допустить их заседания. Истинные защитники трудящихся — анархисты — с конгрессов прямо попадают в тюрьму...

И социалисты и коммунисты обсуждали вопросы, волнующие сейчас рабочее движение: об отношении к капиталистическому обществу, об экономическом положении рабочего класса, о его политических задачах, о положении в колониях и, наконец, о войне.

Борьба за господство над миром

(ПАКТ КЕЛЛОГА).

Не впервые после окончания мировой бойни капиталистические правительства — главные и единственные виновники этой бойни — выступают с громковещательными манифестами «замирения мира».

Два года тому назад такой манифест преподнесла народам конференция европейских капиталистических государств в Локарно. Принятый ею гарантийный договор об'являлся началом «новой эры» в жизни человечества, эры, которая войны между народами сдаст в область предания. Правда, собравшиеся в следующем — 1927 — году на конференцию по сокращению морского вооружения три морских империалистических гиганта — Англия, Америка и Япония — констатировали «сложность» и тяжеловесность взятой на себя задачи и на этом основании, *вместо уменьшения* морских вооружений, решили их *увеличить*. Этим, конечно, была показана настоящая цена пацифистских пактов империалистических «миротворцев». Нужно обладать особого рода наглостью и лицемерием, чтобы после этого, как ни в чем не бывало, те же государства выступили с новым ультра-пацифистским манифестом.

Так называемый пакт Келлога является продолжением локарнской политики буржуазии — политики укрепления капиталистического строя под аккомпанимент пацифистских фраз. Но в то же самое время этот пакт содержит в себе нечто новое, — наступательные шаги стабилизирующегося капитализма.

Каков же его настоящий, а не показной смысл?

На конференции в Локарно капиталистические государства стремились установить договор о ненападении друг на друга, в виду наличия общего врага, могущего поглотить их всех, — т. е. рабочей революции. Акт Келлога с своей стороны повторяет эту идею и даже заостряет ее, об'являя войну вне закона. Вопрос, однако, заключается в том, кто об'являет войну вне закона и по чьему адресу направляются угрозы?

«Мы должны напомнить всем рабочим мира» — говорит резолюция Социалистического Интернациоанала — «что война будет окончательно преодолена лишь тогда, *когда во всем мире восторжествует социалистический строй, никакое* преобразование *капиталистического общества* 1) не может уничтожить тех воинствующих начал, которые *коренятся в его существе*». Это признание чрезвычайно характерно в устах той партии, которая всю свою энергию тратит на «преобразование капиталистического общества». «Мало того» — говорит эта самая резолюция: «договор о сокращении и уменьшении вооружений, заключенный подобными (империалистическими) правительствами, может даже повести к тому, что рабочие будут убаюканы *ложным сознанием безопасности*». И в то же время вся остальная часть резолюции по вопросу о разоружении полна требований ничем абсолютно не отличающихся от тех, которые ставит радикальная буржуазия и цель которых усыпить рабочих «ложным сознанием безопасности». Наконец, резолюция заявляет: «на международном социализме лежит обязанность *раз'яснить народным массам,* что всякие конференции о разоружении являются *бессмысленными*».

Чтобы понять, насколько социалисты стремятся «раз'яснить народным массам бессмысленность» всей шумихи, поднятой сейчас мокруг вопроса о разоружении, достаточно внимательно изучить те 8 пунктов резолюции, которые предшествуют цитированному нами девятому. Все выставленные в них поолжения до того соответствуют требованиям всяких конференций о разоружении, что приходится только удивляться оплошности редакторов, поместивших после этого перечня буржуазных «средств» против войны, пункт девятый, в котором они говорят рабочему классу несколько основных, давно ему уже известных истин. Если этим вожди социал-демократов хотят скрыть факт своего служения буржуазии, скрыть их стремления обмануть в этом вопросе, как и в ряде других, рабочие массы, — то нужно признать их маскировку чрезвычайно неудачной. Это капля словесной «революционности», в море их реальных измен рабочему классу.

Конечно, в вопросе о разоружении социал-демократы целиком поддерживают лживую веру в роль, которую в этом вопросе может сыграть Лига Наций. Нужно, мол, работать в том направлении, чтобы и Советский Союз и Соединенные Штаты Сев. Америки «возможно скорее» подписали «Конвенцию А» о третейском разбирательстве, принятую «без всяких оговорок» на восьмом собрании Лиги Наций и внесенной для подписания на 9-ое собрание. Когда это мировое событие произойдет, все конфликты, повидимому, будут уже разрешаться мирным путем. То, что в пункте девятом резолюции было об'явлено «бесмыслием», теперь об'является важной задачей социал-демократии. Да и всякий рабочий поймет без лишних комментариев, каакя цена конвенции, принятой «без всяких оговорок» Чемберленом и Брианом!

Далее в резолюции идет перечисление тех мер, за которые социал-демократы должны бороться. Достаточно их прочесть чтобы убедиться, что социал-демократы повторяют «радикальные» зады буржуазии и «убаюкивают» рабочий класс «ложным сознанием безопасности», пока делом защиты мира занимаются социалисты. Последние требуют: «возможно наименьший контингент мирного времени в казармах. Ограничение тех запасов оружия и аммуници, которые отдельные государства имеют право держать на готове. Сокращение срока службы, запрещение газовой войны и применения бактерий. Ограничение числа тяжелых орудий. Сокращение финансовых ассигновок

1) Курсив везде резолюции.

Из текста пакта мы видим, что он не имеет решительно никакой *обязывающей силы*. «Договаривающиеся стороны» во имя «блага человечества» заявляют, «что наступил момент искренно отказаться от войны», что они «осуждают и отказываются от нее, как орудия национальной политики», и «что разрешение всевозможных споров должно производиться исключительно мирными средствами».

Первоначальная голая фраза о войне вне закона некоторыми была принята буквально, т. е. как подготовляемое решение держав мира преследовать всех зачинщиков войны, вплоть до об'явления вне закона. Вскоре, однако, даже наиболее наивным из них пришлось убедиться в том, что капиталистическая гора не способна родить даже самую незначительную пацифистскую мышь. Сами «инициаторы» пакта поспешили предупредить против «преувеличенных надежд» на пакт, против «безсмысленных мечтаний», которым готовы предаться наиболее наивные. Пакт, видите ли, есть акт «морального разоружения», лишь психологическая предпосылка для разоружения физического, которое может наступить не сразу. Он не только не исключает войну, он не мешает дальнейшему вооружению государств. — «Пакт не препятствует Соединенным Штатам и другим его участникам поддерживать на соответствующем уровне национальную оборону против какого-либо нападения» — заявил Кулидж на конференции американского легиона в штате Висконсин. На примере морской конференции Англии, Америки и Японии в 1927 году можно видеть, что «соответствующий уровень» у капиталистических государств означает ни более ни менее, как неуклонное увеличение вооружения на 50 - 100 %.

Англия и Франция в смысле насмешки над идеей мира пошли еще дальше: в то время, когда пакт об'явления войны вне закона рекламировался во всех странах, они под шумок заключили между собой соглашение о морских вооружениях. Вопрос касался главным образом неограниченного строительства Францией подводного флота, в чем Англия со времени Вашингтонской конференции 1921 года упорно противодействовала Франции. Благоприятное положение последней в Средиземном море при неограниченном строительстве французского подводного флота станет господствующим, и в случае войны Англия, лишившись основных средиземно-морских путей, будет

на армию, и, наконец, международный контроль над проведением всех этих ограничений через Лигу Наций», т. е. через тех же Чемберленов и Брианов!.. Мы нарочно так подробно перечислили пункты отношения социалистов к вопросу о войне. Из резолюции конгресса РСИ по этому вопросу ясно видно, как социалисты работают на два фронта. С одной стороны, они, якобы, предостерегают рабочий класс от «ложного сознания безопасности», с другой — они являются главной силой буржуазии в деле обманывания рабочих масс, будто для укрепления мира что-то делается. А то, что на деле социалисты помогают буржуазии подготовлять войну, достаточно убеждают и закон Поля Бонкура о мобилизации женщин на случай войны, и голосование немецких социалистов-министров за постройку крейсера. В вопросе о войне и мире у социалистов уже есть своя «традиционная» политика, как показала их позиция 1914 года. За день до об'явления войны клясться, что не допустят бойни, чтобы на завтра единогласно или почти единогласно голосовать за военные кредиты. Так было и так будет.

II.

В резолюции о мировом экономическом положении и задачах пролетариата РСИ характеризует нынешнюю эпоху, как эпоху организованного капитализма. Хаотическая свободная конкурренция все больше вытесняется картелями и трестами. Рационализация производства, увеличивая количество производимых благ, выбрасывает на улицу сотни тысяч безработных. Социалисты указывают также на безнадежность теперешней безработицы. «Во многих странах, особенно в Англии, во многих отраслях промышленности, особенно в угольной промышленности, сотни тысяч рабочих в течение ряда лет лишены какой бы то ни было надежды на избавление от губительной и роковой безработицы». Одновременно рационализация, основанная на увеличении эксплоатации рабочих, истощает силы последних и обрекает их на преждевременную инвалидность. Кроме того «понижение заработной платы, с помощью которго капитализм в некоторых странах стремится преодолеть свои кризисы, лишь увеличивает противоречие между колоссальным развитием производительной силы человеческого труда и покупательной способностью рабочих масс». Таким образом, как свидетельствуют социалисты, положение рабочего класса теперь тяжелое. Подчеркивая же это безотрадное положение рабочих, социалисты тем самым свидетельствуют о провале их политики в течение десятилетий. С самого зарождения рабочего движения, спор между революционным и оппортунистическим крылом его, между анархистами и социал-демократами шел о том, насколько может эволюционировать капиталистический строй, насколько возможно улучшение положения рабочего класса при капиталистическом обществе. Анархисты тогда уже утверждали, что капиталисты ни на какие уступки *в основном* не пойдут, что эволюционировать и переродиться в социалистический строй капитализм не может, как не может одна металлическая вещь превратиться в другую, не подвергшись предварительно переплавлению и обработке. Реформисты утверждали противное и увлекли за собой массы. И вот после полувековой «борьбы» реформизма с капиталом положение создалось совершенно определенное. Капитализм организован в картели и тресты, железной рукой душит везде рабочее движение. Реформистское крыло рабочего движения обратилось в придаток капитала, в его союзника, помогло устроить грандиознейшую бойню и принуждено теперь констатировать безотрадное положение трудящихся масс. За это свое сотрудничество реформисты несут большую долю ответственности перед рабочим клас-

---

отрезана от ее важнейших колоний и тем будет поставлена в крайне затруднительное положение. Вот корень упорного несогласия между Англией и Францией в области морских вооружений. Теперь это несогласие ликвидировано. Выросшее военно-морское могущество Америки заставило Англию, в целях сохранения за собой владычества на морях, искать опоры в соседе. Она нашла ее во Франции, дав последней согласие на программу ее подводного флота и получив взамен признание Францией «за английским адмиралтейством свободу применять свои доктрины». Французский морской министр Лейг заявил по этому поводу, что французские морские интересы «обеспечены полностью». А морской министр Англии Бриджмен по поводу англо-французского морского соглашения заявил: «Соглашение не находится ни в какой связи с пактом Келлога, однако, оно облегчит достижение соглашения о разоружении на Женевской конференции. Мы готовы сделать, что в наших силах, однако, мы не можем пойти на то, чтобы поставить под угрозу безопасность и существование нашей Родины».

Английская либеральная газета «Дейли Кроникль» пишет: «Заявление Кулиджа и Бриджмена, что Соединенные Штаты и Англия, несмотря на заключение пакта, не изменят своих программ военно-морского строительства, создает опасность, что народы быстро и навсегда сделают вывод о никчемности пакта».

27 августа пакт подписан 15-ю империалистическими правительствами. Через пару дней после этого его подписали еще 30 с лишним правительств, в числе которых и правительство СССР. «Моральное разоружение» должно охватить весь земной шар. А между тем, под покровом пакта Келлога идет самое злобное, самое бешеное моральное вооружение.

Мировая война и опасности, с ней связанные, резко изменили тактику империалистической буржуазии. Пацифистские пакты представляют теперь специфическую форму ее военной дипломатии. Самые дикие, безумные авантюры она может предпринимать теперь не иначе, как в форме манифестов о всеобщем мире, о всеобщем разоружении, о вечном мире и т. д. Чудовищные преступления правящей буржуазии над народами в годы 1914-1918 заставляют ее быть теперь осторожной, лицемерно делать горестное лицо по поводу вчерашнего дня и называть миром ту еще более страшную войну, которую она

сом, за теперешнее его положение.

Конгресс, однако, констатирует, что «если капиталистические монополии на ближайший период и приводят к установлению тяжкого гнета над народами, то они в то же время и показывают, что *само развитие требует замены конкуренции планомерной организацией общественного производства*. Капиталистическое развитие само ставит перед рабочим классом задачу — заменить в концентрированном производстве господство крупного капитала господством самих народов и союза народов».

Казалось бы, после такого диагноза положения рабочего класса и мирового капиталистическ. хозяйства, единственно правильным был бы только призыв к рабочим взять в свои руки самим производство на началах самоуправления отдельных отраслей хозяйства, вырвать из рук картелей и трестов управление промышленностью. Ибо, по свидетельству самих социалистов, от капиталистического строя рабочего ждет преждевременная смерть от истощения и переутомления, если он на работе, от нужды и голода — если он безработный. Тем более, как они же утверждают, предпосылки для этого уже имеются. Но социалисты, конечно, на это неспособны Они ставят своей задачей, во-первых, «стремиться к постепенному устранению препятствий для развития международного товарообмена» (как будто выполнение этой задачи возможно при господстве национальных империализмов, стремящихся к уничтожению друг друга). Во - вторых, они стремятся «к международному выравниванию усоловий труда и, наконец, к созданию Международного Экономического Бюро при... Лиге Наций». Это Бюро должно контролировать международные картели и тресты. Оно должно даже «превратиться в будущую Международную Организацию мирового хозяйства». Все это ,конечно, под бдительным оком *настоящих хозяев Лиги Наций*. Социалисты мудро решили проблему контроля над капитализмом: они щуку из реки бросили в пруд, контроль над капитализмом — от капиталистов передают... Лиге Наций! И после этого уже насмешкой звучат последние строки резолюции: призыв пролетариев всех стран к об'единению для борьбы за замену господства трестов господством народов, за замену капиталистических мировых концернов всеобщим союзом народов.

Таковы слова и дела социал-демократов.

Я. Линский.

(Продолжение следует).

Примечание: Ввиду дальности разстояния и незнакомства с направлением журнала «Д. Тр.» по целому ряду основных политических вопросов, автор статьи т. В. Худолей, естественно не несет ответственности за направление журнала, а ответствен лишь за свои статьи. *Редакция.*

За Сандино!

В то время, как представители великих держав обмениваются мнениями по поводу «пакта Келлога» о запрещении войны, горные склоны республики Никарагуа обагряются крестьянской кровью. Рука, подписавшая мирный «пакт Келлога», подписала также и приказ о высадке наемных полчищ Соед. Штатов в Никарагуа. Так буржуазия Соединенных Штатов показывает наглядно, чего стоит ее миротворчество...

Земли республики Никарагуа богаты ископаемыми и поэтому хищная американская буржуазия пытается

своей политикой готовит к завтрашнему дню и которую она предвидит лучше кого бы то ни было другого. За пактом Келлога скрывается производимый сейчас раздел мира между его тремя нынешними владыками — Америкой, Англией и Францие, отчасти Японией.

Американский капитализм, разросшийся за годы мировой войны и особенно за послевоенные годы до фантастических размеров, сделавший своими должниками без малого все государства Старого и Нового света и стремящийся стянуть в свои руки всю экономику мира, счел, что пришло его время, когда он сможет перекроить карту земного шара в своих интересах. Пакт Келлога прикрывает собой это неудежимое стремление американского капитализма к расширению, к проникновению на Африканский материк, на Дальний Восток и т. д., к овладению экономикой всего мира. Договором «вечного мира» он прежде всего стремится связать руки английскому флоту, а затем и другим морским антагонистам Америки.

Современные мировые партнеры Америки, вчерашние победители Германии и творцы Версальского договора — Англия и Франция прекрасно понимают смысл американской идеи «вечного мира». Потому то они и поспешили заключить между собой соглашение по вопросу о морских вооружениях. Соглашение это им необходимо, как на случай возможных агрессивных шагов со стороны Америки, так и *для подкрепления тех оговорок к пакту, которые выдвинули Англия и Франция*, как необходимое условие принятия ими пакта. «Оговорки» со стороны Англии заключаются в том, чтобы все правительства, подписавшие пакт, признали за Англией право протектората над рядом территорий, имеющих особо важное значение для Великобританской империи. В своем ответе на предложение Келлога английское правительство пишет: «Благополучие и целость некоторых областей в мире имеет особенно большое и жизненое значение для обеспечения мира и безопасности Великобритании. Великобритания не может допустить никакого вмешательства в положение этих областей. Защита этих областей от нападения является для Великобритании делом самообороны».

Что касается «оговорок» Франции, то они сводятся к тому, что Франция и ее союзники по Лиг Наций оставляют за собой право войны, предусмотренное уставом Лиги Наций, т. е. право войны против так называемых «нарушителей мира». В даном случае это означает военное

взять за горло крестьянина этой страны. Доведенные до отчаяния крестьяне дали решительный отпор, но должны были отступить. Партизанские отряды, руководимые Сандино, ушли в горы и вооруженной рукой отстаивают каждую пядь своей территории.

Крестьяне борются за то, чтобы самим быть хозяевами той земли, которую они обрабатывают, и самим пользоваться продуктами своего труда. Восстав против капитала, они одновременно восстали и против власти, служащей капиталу. Они впервые стали свободными людьми, но строить свободную коммуну им мешают наемные полчища Соединенных Штатов, навязавшие им истребительную войну.

На наших глазах восставшее крестьянство Никарагуа истекает кровью. Маленькая страна, имеющая не более одного миллиона человек населения, не может продолжать свое сопротивление, у нее не хватает бойцов. Силы армии Сандино тают под натиском более сильного противника: Соединеные Штаты — главная крепость современного капитализма —грозят задавить ее численностью своих штыков и превосходством технических средств.

У армии Сандино не хватает оружия и снарядов, чтобы продолжать сопротивление, не хватает медикаментов, чтобы лечить своих раненых. Цвет революционного крестьянства гибнет, благодаря отсутствию врачебной помощи.

Населению той части страны, которую занимает армия Сандино, не хватает продовольствия, чтобы существовать самим и кормить своих защитников. Ему не хватает также машин и сырья, чтобы вести хозяйство, улучшая его технику. Наконец, ему не хватает знания, чтобы устроить свою жизнь без власти человека над человеком и без эксплоатации человека человеком.

Мы не можем оставаться долее безучастными зрителями той тяжелой дравы, которая разыгрывается в Никарагуа. Кровь, которая там льется, — это наша кровь! Дело Сандино — наше дело! Долг рабочих и крестьян всего мира поддержать своих восставших братьев. Подать руку международной помощи надо немедленно, пока крестьянское восстание еще не задавлено тяжелым сапогом северо-американского солдата.

Долг революционной солидарности призывает к общественой помощи движению Сандино. Нужно организовать при синдикатах, рабочих кооперативах и клубах Рабочие комитеты «за Сандино», а в деревнях при потребительских и сельско-хозяйственных кооперативах и клубах крестьянские комитеты «за Сандино», и такие же комитеты в солдатских казармах и среди учащейся молодежи, об'единив их конфедеральным комитетом.

Задачи Комитетов «за Сандино» — давать правильные сведения в печати и на собраниях о крестьянском восстании в Никарагуа, чтобы сделать его популярным среди крестьян и рабочих всех стран; организовать митинги протеста и демонстрации против войны Соединенных Штатов с Сандино; производить сбор средств на снабжение армии Сандино оружием, снаряжением, перевязочными средствами, медикаментами, продовольствием, а кооперативы и коммуны поддерживающих их крестьян — машинами, семенами, необходимым сырьем.

Силы армии Сандино тают и поэтому необходимо провести набор добровольцев, обучить их военному искусству и санитарному делу и, сформировав отряды, организовать отправку их к Сандино.. Во время Англо-Трансваальской войны руская буржуазия посылала свои отряды добровольцев на помощь бурам. В 1904 г., во время армяно-татарской резни на Кавказе, партия Дашнакцутюн перебрасывала из Турции свои вооруженные силы

преледование всех тех, кто попытается восстать против Версальского трактата.

Таким образом, Англия и Франция условием подписания пакта Келлога выставили требования признать за ними то положение неограниченного господства в Европе и колониях, которого они добились выигрышем в мировой бойне в 1918 году. Как та, так и другая сторона оставляют за собой право вести войны по поводу тех областей, которые Англия и Франция найдут имеющими для себя «особо важное значение». А так как под такую область всегда можно подвести любую страну, соприкасающуюся с колониальными владениями Англии и Франции, то становится очевидным, что *для себя* Англия и Франция сохраняют неограниченое право ведения войны в любое время и в любом месте. Третий мировой партнер Америки— Япония выдвинула свои «оговорки» об «особых интересах» ее на Дальнем Востоке и Тихом Океане.

Из приведенного выше заявления Кулиджа мы видим, что, выдвигая идею «вечного мира», Америка отнюдь не против «оборонительной войны». Такую войну она считает необходимостью и неизбежностью. Бедный пакт Келлога! Он не подозревает даже сколь белыми нитками шита его политика. Кому же неизвестно, что буржуазия ведет только «оборонительные войны». «Оборонительную войну» вели в 1900 году европейские государства и Америка, усмиряя Китай. «Оборонительную» войну вел русский царь в 1904 году, воюя с Японией на Дальнем Востоке. Дипломатические документы, опубликованные после мировой войны 1914-1918 гг. правительствами разных стран, показывают, что самую мировую войну вели только «обороняющиеся» страны и что виновников войны не оказалось ни в одном государстве. Их, словно, и не было. Необоронительных войн буржуазия, по ее словам, вобще никогда не вела.

Теперь, когда эта сторона пакта расшифрована и бьет прямо в глаза, идеологи самой буржуазии (наиболее дальновидные из них) считают нужным подвергнуть пакт критике с этой стороны (ибо шила в мешке не утаишь!). В этом отношении интересно признание американского профессора Иельского университета, одного из виднейших знатоков международного права, — Эдвина Борхарда. Борхард подверг резкой критике пакт Келлога. Он заявил, что в договоре не содержится никакого отречения от войны. Наоборот, французская и английская

для защиты армян. Махновское движение на Украине развивалось благодаря постоянному притоку анархистов из России, а вовлечение крестьянства в это движение обеспечило разгром белых армий Деникина и Врангеля. Неужели же крестьяне и рабочие не сумеют теперь протянуть руку помощи своим братьям в Никарагуа!

Восставшим крестьянам Никарагуа нужны не только военные и санитарные отряды, им нужна также и идейна помощь. Долг Комитетов «за Сандино» дать им не только средства для продолжения борьбы и общественную поддержку в смысле протеста против разбойничьей деятельности буржуазии Соединенных Штатов, не только бойцов и сестер милосердия, но и строителей анархического коммунизма, которые своим примером показали бы пути освобождения обездоленных от ига власти и капитала.

В течение последних лет почти не было таких революционных выступлений обездоленных классов, которые возникали бы на почве борьбы за свободное проявление их коллективного творчества. Обычно, государственники всех цветов спешили использовать для себя всякое его проявление.

Восстание Сандино является делом не государственников, а самих крестьянских масс, не желающих идти в кабалу капитала. Пусть же оно будет тем знаменем, под которым развернется новое международное выступление рабочих и крестьян за полное освобождение труда.

В. Худолей.

К годовщине мировой войны

Революционные рабочие организации и антимилитаристские союзы и группы устраивают ежегодно с конца мировой войны в день 4 августа антимилитаристские собрания, чтобы укрепить в рабочем классе волю к сопротивлению всякой войне и чтобы показать правящим классам, что трудящиеся массы не желают участвовать в новой войне, что они употребят все усилия и средства помешать об'явлению новой войны.

Пропаганда против войны никогда не была еще так необходима, как сейчас. Несмотря на всю миролюбивую болтовню представителей буржуазных государств, опасность войны все еще очень велика. Формальное частичное разоружение в Женеве неспособно предотвратить войну, как и так называемый мирный пакт, предложенный американским правительством, который будет подписан в августе этого года великими державами в Париже. При теперешнем развитии военной техники, произведенное до сих пор разоружение ни в коем случае не может быть рассматриваемо, как гарантия мира. Больше того, оно было в интересах самих милитаристов, так как дело шло об устаревших методах и отсталой технике, сделавшимися бесполезными, благодаря новейшим военным изобретениям. Даже уничтожение постоянной армии не может при теперешнем состоянии военной техники сделать войну невозможной.

Развитие химической индустрии позволяет приготовить в ночь такое огромное количество отравляющих и взрывчатых газов, что сброшенные несколькими аэропланами над мирными селениями, они могут вызвать смерть миллионов, смерть всех живых существ на огромном пространстве.

По этой причине антимилитаристская деятельность больше, чем когда-либо, должна стать делом рабочих различных производств, которые отказом от работы, оста-

---

оговорки, принятые Келлогом, превращают договор в законную санкцию всех войн, упоминаемых в качестве возможных в этих оговорках, т. е. «оборонительных» войн, войн в силу локарнских соглашений, войн в силу устава Лиги Наций, войн в силу договоров, существующих у Франции с другими державами, войн в защиту английских специальных интересов и т. д.

Иными словами, эти оговорки покрывают собой все мыслимые виды войны. Чем же в таком случае «оборонительные» войны пакта Келлога будут отличаться от всех тех «оборонительных» войн, которые буржуазные правительства вели до сегодняшнего дня? В чем же смысл этого пакта и имеет ли он вообще какой-либо смысл? Смысл он имеет. Он заключается в том, что право войны *концентрируется,* становится *монополией* империалистических гигантов.

Северо-Американский капитализм, шествующий сейчас по всему миру, простирающий свои железные руки через океаны и материки и стремящийся охватить ими весь земной шар, взял на себя, по праву сильного, роль «замирителя мира», но не в смысле прекращения войн, а в смысле их концентрации, в смысле монополизации их за сильнейшими. За ним Англия и Франция, предварительно сговорившись на определенно военной базе, и оговорив свои права на многочисленные части земного шара, выступили столь же гордо и внушительно за идею вечного мира.

Разделив между собой весь земной шар, эти «миротворцы» стремятся повсюду водрузить свою волю, завести свой порядок по принципу концентрированного хозяйства. Друг против друга они точат зубы, продолжают свои вооружения, но войны сейчас избегают. Все, что им нужно, они уже завоевали себе. Ближайшее десятилетие им необходимо для спокойного переваривания захваченных кусков добычи. Правда есть «недовольные», проклинающие победителей и живущие идеей реванша. Но на грудь этих недовольных поставлено железное колено, и они в то же время связываются узлом «вечного мира», вечного молчания перед волей победителя.

Характерны настроения в Италии в связи с пактом Келлога. Итальянская печать проявляет скептическое отношение к пакту. Многие газеты заявляют, что европейские державы «вынуждены подписывать документ, не имеющий практического значения, так как опасаются в

новкой промышленной жизни, об'явлением интернациональной генеральной забастовки, главным образом, в химической промышленности, могут и должны помешать об'явлению всякой войны.

Международное Товарищество Рабочих зовет интернациональный пролетариат пропагандировать и демонстрировать в день 4 августа за интернациональную всеоб'емлющую генеральную забастовку, которая должна будет перейти во всеобщее восстание.

Долой всякую войну!

Долой милитаризм!

Да здравствует прямое действие революционного пролетариата!

Секретариат Международного Товарищества Рабочих.

Письмо из французской провинции

Обстоятельства занесли меня во французскую деревню, довольно отдаленную от Парижа, и здесь мне случилось услышать отголоски впечатлений одной из делегаций, ездивших в Россию на юбилейные торжества. Делегация (сельскохозяйственных рабочих) состояла из нескольких десятков человек; из них в моей деревне живет только один. Сам он — не крестьянин, а бывший городской рабочий, уже старик; живет здесь теперь на отдыхе, благодаря полученному в наследство домику с огородом и маленькой ренте. Встретились мы с ним случайно и разговорились о России; он — коммунист; я для него— человек неизвестных взглядов (удобнее оставаться таковым, если хочется не самому говорить, а расспросить слушателя). Говорит он серьезно, обдуманно и, повидимому, с некоторою осторожностью. Был он в России в общем недель 5, из которых провел две в Москве (время, которое он считает почти потерянным, п. ч. оно не дало ему ничего для изучения сельскохозяйственных отношений). Кроме того, ему не удалось попасть в хлебопашеские районы (туда отправилась другая часть делегации), а осматривал он почти исключительно кавказские винодельческие предприятия.

В общем он видел в России *два совхоза* и *одно* крестьянское хозяйство, о котором он знает только, что оно — кулацкое. Этого, конечно, очень мало и результатами своей поездки в смысле *знания* крестьянской России он вполне не удовлетворен. Но то, что он видел, ему очень нравится, особенно совхозы, как попытки приучения крестьян к общественности, коллективной собственности и коллективному труду. «Конечно, говорит он, коммунистам очень трудно: крестьяне — дикие, отсталые, понятия не имеют ни о какой общественности, их нужно всему учить, а совхозы — капля в море; кроме того, кулаки везде всему мешают». Говорю ему: «Однако, русские крестьяне не так уж тупы по части общественности: ведь у них издавна существовала и теперь еще существует земельная община и общинное владение землею. Вам никто об этом не говорил?» Оказывается, — никто ни одного слова. Об'ясняю ему в общих чертах, что такое община; он удивлен и озадачен, но верит ли моим словам — неизвестно; скорее он был уверен, что русский крестьянин по сравнению с французским дикарь, которого надо всему обучать, и вдруг, оказывается, что у него существует учреждение, которое делает его общественнее француза!

Что касается совхозов, то организацией их мой собеседник вполне доволен: дирекция выборная, 8-мичасовой рабочий день, доходы в казну, т. е. на общее дело. Особенно ценит он 8-мичасовой рабочий день: ведь везде

противном случае вызвать недовольство С. А. Соединен. Штатов». «Корьере д-Италия» пишет, что «итальянское правительство, отказавшись делегировать Муссолини для подписания пакта Келлога, показало свое нежелание излишней торжественностью возбуждать *несбыточные иллюзии*».

«Лаворо д-Италия» пишет: «Италия — единственная из держав-победительниц, оставшаяся обойденной. Франция, Англия и Америка, обладающие всем, могут с ужасом говорить о войне, но нам не хватает воздуха; каждое наше движение встречает противодействие со стороны «комитета по взаимному страхованию» (т. е. Франции, Англии и Америки, *П. А.*), действующего в ущерб быстро растущих наций. 27 августа (день подписания пакта) — не наш праздник».

В этой цитате, как в капле воды, отражен основной смысл покта Келлога да и вообще всей «политики мира» господ империалистов. Хорошо, мол, Америке, Англии и Франции предписывать закон вечного мира, когда они уже завоевали себе все, что надо. Для Италии идея вечного мира *сейчас* не улыбается. Вот когда она, подобно Америке, Англии и Франции, завоюет себе все, что надо, *тогда* пакт о «вечном мире» будет и для нее праздником. Грубо, цинично, но зато откровенно.

Таков смысл пакта Келлога. Он также может устранить войны, как огонь устраняет пожар. Иначе и быть не может. Никогда еще и нигде политика правительств не строилась на таких абстракциях, как торжественные декламации о мире. Это вздор, о котором нет смысла и распространяться. По поводу подобных декламаций буржуазия давно сказала про себя, что язык ей дан для того, чтобы скрывать свои мысли. Политика ее строилась и будет строиться на голом насилии, вытекающем из противоречий межгосударственных и межклассовых интересов. Пока эти противоречия имеются, — а при капитализме они неизбежны,— всегда между капиталистическими обществами будут происходить войны. Чтобы их преодолеть, буржуазия должна переродиться, отказаться от своей сущности. А давно известно, что она скорее пойдет на истребление всего рода человеческого, чем откажется от своей плотоядной сущности. В глубине ее души зреют поистине чудовищные планы новой войны, перед которой война 1914-1918 гг. покажется необычайно скромной и гуманной. Недавние маневры воздушного флота в Анг-

в Европе крестьянский труд не ограничен ничем, кроме солнца и погоды. Во Франции в будущем, он надеется, такая система привьется легко: культурный французский кресьянин быстро усвоит все ее преимущества..

Видел мой собеседник и некоторые факты, резко нарушавшие его представление о том, что такое социалистическая страна. На одном вокзале его поразила толпа людей — крестьян, как ему показалось, — совершенно нищего, оборванного вида; проводник ему об'яснил, что это кочевники, —которых никак нельзя приучить к оседлой жизни, принадлежащие к одному из полудиких народов Кавказа. Француз отнесся к этому об'яснению несколько подозрительно: представление о таких кочевых народах совершенно не умещается в его уме. Так же мало правдоподобным показалось ему об'яснение, которое дал сопровождавший группу французов гид, громадному количеству нищих, встречавшихся повсюду в городах — толпы нищих, в которых поражало особенно большое количество старых женщин. «Это, сказал гид, все — бывшие буржуа, теперь разорившиеся. Им предлагают и работу, и благотворительную помощь, но они от всего отказаются, не желая ничего принимать от советского правительства». Странною показалась французу эта упорная политическая гордость такого множества людей... Разговор наш перешел на безпризорных. Здесь мой собеседник категорически заявил мне, что безпризорных теперь больше не существует: было их много во время голода, но после того были приняты всевозможные меры, и теперь все это уже в прошлом. Остальное — выдумки белогвардейской печати. Там он, впрочем, видел *одного* мальчика, просившего милостыню на вокзале; полицейский прогнал его раз, другой, но тот упорно возвращался. Французам об'яснили, что этот мальчик — единственный— и все его знают — предпочитающий бродячую, нищенскую жизнь.

Всем этим об'яснениям, нужно сказать, мой собеседник не очень доверяет: он уверен, что их проводник был агентом ГПУ. «В следующий раз, когда поедет какая-нибудь рабочая делегация, говорит он, нужно, чтобы синдикат заранее подготовился, за несколько месяцев избрал делегатов и пусть они выучатся об'ясняться по-русски. Иначе мы никогда ничего не увидим». Общее же впечатление от поездки в Россию — впечатление громадных начинаний, очень большого дела, больших достижений и больших трудностей. Трудности—некультурность страны и оппозиция буржуазии. Эта оппозиция еще очень сильна, говорит мой француз; на этом основании он оправдывает полное отсутствие свободы в России. Спрашиваю о тюрьмах; политических он в них не видал, а видел жизнь уголовных — очень хорошую: комфортабельное помещение, работа по синдикальному тарифу (заключенные живут в тюрьмах не на казеный счет, а на свой), клубы, радио и т. д. Очень хороша также жизнь рабочих в городах, сообщает мне француз: клубы, читальни, дома отдыха — все для них. Они-то во всяком случае имеют все, что только можно и, конечно, вполне довольны.

Таково, приблизительно, содержание *моего* разговора с этим делегатом. Но характерно и интересно, что говорят о путешествии делегатов окружающие, средние крестьяне, ни в каких революционных и партийных вопросах не искушенные. Моего знакомого делегата все хвалят: хороший, говорят человек; только — коммунист. «Раньше, до поездки, много говорил и разсказывал о России, а теперь совсем переменился: ходит печальный и ничего не разсказывает. Очевидно, не нашел того, что искал». И вот один старик разсказывает мне, чего тот искал и чего не нашел. «Он думал, что там все крестьяне хорошо живут, даже не работая, а оказывается так: если ты не работаешь, не хочешь засевать свое поле, тебя са-

---

ли показывают *масштаб* и *качество* этой войны будущего: в течение часа или двух часов времени превращаются в груды развалин такие гигантские города с семимиллионным населением, как Лондон. А «научная» мысль империалистов стремится все более и более «углубить» и усовершенствовать средства и орудия разрушения человеческих обществ и истребления людей. И именно *в этой области* сказывается *подлинная душа* буржуазии. Не мир, а лишь самая истребительная война готовится миру этой душой. Рабочие всех стран ежеминутно должны быть настороже и приготовиться к отпору самому чудовищному покушению на их существование.

***

Нельзя обойти молчанием отношение к пакту Келлога социалистических партий и правительства СССР. Сов. правительство подписало пакт, а социалистические партии поддерживают его. Воззвание III-го конгресса Социалистического интернационала к «рабочим всего мира» буквально говорит: «Текст пакта Келлога (не считая оговорок) содержит в себе безусловный отказ от войны».

В том, что социалистические партии поддерживают пакт, нет ничего удивительного. Эти «бывшие люди» из социалистов всегда волочились в хвосте отечественной и международной буржуазии. В данном случае про них можно сказать, что они последовательно и до конца выполняют эту свою роль. Типично социал-демократическую оценку пакту дают русские меньшевики: — «Как и в Локарнском пакте, в пакте Келлога легко узнать те идеи, которые были впервые формулированы социалистическим пролетариатом. В роковые августовские дни 1914 г. буржуазии удалось на время навязать пролетариату свою *идеологию войны*. Теперь пролетариат, умудренный тяжким опытом войны, навязывает буржуазии свою *идеологию мира*.... Ни лицемерие буржуазной демократии, ни своекорыстие капиталистических правительств не могут, однако, лишить парижский пакт его значения, как заметного шага вперед на извилистом и трудном пути к упрочению всеобщего мира» («Соц. Вестн.», 5 сент. 1928 г.).

Таким образом. выходит, что, хотя пакт и выдвинут по инициативе капиталистических правительств, идея его по утверждению меньшевиков, заимствована буржуазией у социалистического пролетариата. Этот пакт социалисты готовы отстаивать, в случае чего, даже против самой бур-

жают в тюрьму; а если работаешь, урожай у тебя отбирают». И — в виде заключения: «Русский народ — отсталый, у нас лучше. А коммунисты хотят сделать, чтобы было, как в России». «Чего же, собственно, они хотят?» спрашиваю. «А чтобы совсем никто не работал; думают, что в России никто не работает и у них все есть. Это все равно, как когда-то Луиза Мишель: черное знамя вместо трехцветного. Все они хотят обогащаться на чужой счет». Затем идет дифирамб теперешнему правительству, которое сумеет, конечно, все это зло прекратить. Интересно, что этот старик не какой-нибудь зажиточный собственник, а полный бедняк, не имеющий ни малейшего клочка земли: живет в жалкой наемной комнате и в 78 лет работает в каменоломне. Коммунистов ругает *вообще*, а о своих знакомых коммунистах (их здесь один-два) говорит: «Хорошие люди, жаль только, что такие отсталые (!)».

От другого — крестьянина — слышу: «Наши коммунисты ходят теперь грустные: когда они ехали в Россию, они думали, что там, если у одного есть 100 фр., то он половину должен отдать другому, у которого нет; а оказывается, там бедность хуже нашей. У нас в деревне хоть богатые помогают, а там некому помочь».

Все эти наблюдения, конечно случайны и поверхностны, но есть в них и нечто поучительное. Легкомысленно были внушены преувеличенные надежды; то, за что еще боремся, что еще только — провозглашенный лозунг, было изображено, как вполне осуществившаяся действительность. И как ни мало могли видеть делегаты, они все-таки видели достаточно, чтобы разочароваться. Великое умственное и нравственное влияние провозглашенных в революции идей, весь умственый сдвиг в населении — все это осталось для них невидимым и неизвестным, и об этом никто им не говорил. А достигнутое в жизни было выставлено преувеличенно замачивым. Отсюда — разочарование. В общем — здесь по крайней мере — поездка делегации оказала делу революции плохую услугу.

Случайный наблюдатель.

Лицемеры

В газете «Рассвет» от 18-го июня с. г. появилась статья под названием «*Пробуждение*» (Шестой номер) за подписью *А. В.* Балтимор, Мд. Несомненно, цель мнимого анархиста *А. В.* не разрешать принципиальные и организационные вопросы анархизма, которые чужды ему вот уже в продолжении 4-х лет, т. е. со времени его секретарства в газете «Американские Известия», а сочинить пасквиль против Парижской группы Руских Анарх. Ком. и против всех тех, кто совместно с ней ведет анархическую работу.

Грязная агитация этого лицемера против вышеуказанной группы для нас, русских анархистов, г. Балтимор, не является неожиданностью. Ведь этот «Утин» по своим политическим выходкам, только не в руках Карла Маркса, а в руках М. Рубежанина и Е. Моравского, еще 13 июня 1926 г. на пикнике (в Либерты парке) в частной дискуссии с анархистами противниками «Рассвета», заявил: «Мы будем свидетелями того, когда люди из Париж-

---

жуазии, создавшей его. Как все это похоже на парламентских социалистов, в частности — на наших русских меньшевиков. Никогда они не идут дальше «передовых» идей буржуазии, не могут видеть за внешними фасадами этих идей реальной политики ее. Они не представляют себе, что рабочий класс не только в состоянии, *но должен* вести свою социальную политику и *сам* должен выдвигать реешние социальных проблем *помимо* и *против* буржуазии. Мировоззрение их никак не может пойти дальше хвоста «передовых» идей буржуазии. Напомним здесь, кстати, что в августе 1914 г. идеологию войны рабочему классу навязала не буржуазия, а социал-демократия: буржуазия по просту, в порядке обязательной мобилизации, гнала рабочих на бойню. Ей незачем было навязывать идеологию; да рабочие и не вняли бы идеологии, от нее самой исходящей. Этим высоким делом занималась социал-демократия всех стран.

Что касается большевиков, то ведь никто больше их не кричал о том, что пакт Келлога направлен главным образом против СССР. Несомненно, если не непосредственно, не в первую очередь, то во вторую очередь пакт Келлога, как высшая фаза стабилизации капитализма, угрожает и русской и всякой другой рабочей революции. Тем непонятнее для революционных рабочих является поступок большевиков, присоединившихся к пакту тотчас, как только их пригласили. Правда, в своих оговорках они несколько покритиковали пакт, изложивши свой взгляд на проблему разоружения, но все-таки присоединились к нему. Подпись под империалистическим пактом, хотя бы и с оговорками, есть все-таки подпись, означающая, что авторы ее — большевики — разделяют основную идею пакта, удостоверяют чистоту намерений пакта и берут на себя ответственность за него.

Так, адский план империалистов, направленный, по словам самих же большевиков, против русской революции, поддерживается теми же большевиками. Более наглядного и резкого противоречия трудно сыскать во всей противоречивой практике большевиков. Оно неизбежно вытекает из противоречивого, в корне фальшивого положения большевиков, стремящихся быть и поборниками социальной революции и строителями неповского капитализма. Подобное противоречие не может бесконечно держаться. Рано или поздно оно взорвется и заставит большевиков занять какую-либо одну из занимаемых двух областей. Не трудо видеть какую. В области социальной революции большевики играют исключительно словесную декоративную роль. В области неповского капитализма они выступают реальными дельцами. И если вопиющее

ской Группы превратятся в чекистов и вы вместе с ними, на подобие Е. Ярчука». Но вот прошло с тех пор уже два года, и мы видим, что предсказания *А. В.* о Парижской Группе так же, как и о нас совсем не сбылись. Что же касается самого *А. В.*, то он превратился, если не в чекиста, то в усердного слугу белогвардейского элемента в Америке. Так что читателям «Дела Труда» ясно, что клевета г *А. В.* на Парижскую Группу Русских Анархистов предшествовала выходу «Платформы» — оспариваемые же некоторыми анархистами — отдельные пункты «Платформы» для него являются лишь прикрытием его лицемерной деятельности по отношению к анархизму.

Перейдем же к разбору его отзыва о статье тов. Э. Малатесты под названием «Анархия и Организация». — *А. В.* в своем отзыве говорит следующее: «факт тот, что провал и удушение большевиками русской революции, на которую все в том числе и анархисты возлагали так много надежд, привели к тому, что среди некоторой части анархической интеллигенции появился какой-то пессимизм, какое-то брожение, что в конце концов породило разных искателей новых путей анархизма. В результате всех этих исканий появились новые теоретики — люди совершенно безграмотные в анархизме— они начали писать программы для всех анархистов».

Видите каким непоколебимым анархистом *А. В.* хочет представиться пред читателями «Рассвета» и «Пробуждения»! Он констатирует тот факт, что в русской анархической интеллигенции зародился пессимизм и брожение, но не сознается, что этим пессимизмом и брожением он и сам страдает вот уже несколько лет. Его ревнивая поддержка таких мещанских антиреволюционных организаций, как «Рассвет» и «Пробуждение», является лучшим доказательством этого.

Что же касается разного рода искателей анархизма, то если эти искатели искренне ищут здоровых путей анархического движения, то этому следует только радоваться, ибо без работы ума, без идейного искательства, никакое движение не сможет развиваться. Такое явление в наших рядах следует только приветствовать. Но что ищет г. *А. В.*, критикующий анархистов и анархическое движение? В какую сторону направлены его искания? Они направлены как раз в сторону обратную анархизму — в сторону национализма, антисемитизма и белой эмиграции.

Но вот еще, что забавно, когда *А. В.* говорит, что появились новые теоретики —люди совершенно неграмотные в анархизме... Прочитав эти слова, какой-нибудь иногородний анархист, незнакомый с анархической грамотностью, по г. А. В. — вполне искренне может сказать: как хорошо, что не все теоретики перевелись у нас, что имеются еще такие теоретические силы, как *А. В.* Для нас же, балтиморцев, знающих, кто именно говорит об анархической безграмотности, его слова являются ничем иным, как отвратительным хвастовством.

Будь этот человек грамотен в анархизме, хотя бы на половину того, как это он представляется, разве он пал бы идейно так низко, как он пал?... Дальше он продолжает: «Малатеста приводит выдержки из упомянутой «Платформы» и с удивлением вопрошает: «Разве это анархизм»? и заканчивает: «Вот какой отзыв дает ветеран анархизма об этой «Платформе»! Вы слышите, последователи, куда вас тянет Парижская Группа? Прочтите статью Э. Малатеста «Анархия и Организация» и хорошенько подумайте»!

Для нас не представляет никакого сомнения, что ес-

бьющее каждому в глаза противоречие с пактом не остановило их, а склонило к подписанию пакта, то из этого можно безошибочно заключить, что наклон неповского реального капитализма преобладает в них над социалистической фразой.

Да, мировая бойня, о которой твердят большевики, идет, но очевидно, к тому моменту, когда она подойдет, большевики настолько запутаются в шерсти международных империалистов, что революционному труду нечего будет делать с ними — большевиками. Расчет империалистов, взявших инициативу в свои руки, направлен именно в эту сторону. А что у большевиков никакого своего реального расчета не имеется при этом и что они *уже* являются орудием в руках империалистов, показывает их второстепенная, *подчиненная* роль в пакте Келлога: пакт они подписали с гримасой, с перекошенным лицом, *вопреки* всему тому, что они говорили о нем революционному пролетариату. Буржуазии, для скрепления этого пакта, нужна была только их подпись. Их же оговоркам она не придает ни малейшего значения. «Тан» (официоз французского министерства Ин. Дел) в передовой, посвященной присоединению большевиков к пакту, прямо пишет, что самое главное в этом деле — это подпись. Все же остальное — революционная литература, нужная большевикам для сохранения своего лица. Точно таким же образом рассматривают шаг большевиков и социал-демократы. Они, конечно, приветствуют этот шаг, как «*правильное и единственно возможное решение*», как новое «сближение советской власти с капиталистическим миром» и как поворот назад «*к внешнеполитическому нэпу*» («Соц. Вестн.» 5 сент. 1928, передовая).

Есть поговорка: коготок увяз — всей птичке пропасть. Большевики увязли в болоте нэпа и отодвинули *для себя* социальную революцию в бесконечную даль. Теперь они ввязываются в военные договоры международных империалистов. Было бы верхом глупости с их стороны расчитывать надуть при этом буржуазию в какой-либо степени. Несомненно, сеть военных договоров, за которыми последуют экономические договоры, подчинит их, в конце концов, планам и замыслам империалистов. И в момент, когда международный пролетариат будет давать «последний и решительный бой» капиталу, они окажутся прикрепленными к железной пяте современного империализма и неспособны будут даже писать разоблачительных статей, которые они пока что пишут. Да и не в их это будет интересах. Иного исхода трудно предвидеть.

П. Аршинов.

ли сегодня или завтра кто - либо напишет «статью», т. е. пасквиль (клевету), в которой назовет Парижскую Группу не только не анархистами, но чекистами, фашистами или даже бандитами, то «статья» эта встретит самый праздничный прием на страницах «Рассвета» и «Пробуждения». Мы также уверены, что такой статьей г. *А. В.* особенно восхищался бы, ибо нет для него ничего слаще, как упиваться статьями, направленными против ненавистной ему Парижской Группы. И только лишь поэтому он восхищается и статьей Э. Малатесты.

Неужели, кроме критики «Платформы», вы. г. *А. В.* не могли ничего больше найти в статье Э. Малатесты? И неужели Вас не интересует та часть его статьи, где говорится следующее: «Я считаю дело организации анархистов важным и неотложным в целях влияния на массовые движения по пути к лучшему будущему и полному освобождению»... «Анархисты должны признать всю пользу и важность синдикального движения. Они должны содействовать его развитию и сделать его одним из рычагов своей деятельности, стремясь привести синдикализм, совместно с другими силами прогресса, к социальной революции, которая принесет уничтожение классов, полную свободу, равенство, мир и солидарность между всеми человеческими существами... Отсюда — настоятельная необходимость чисто анархических организаций, которые боролись бы внутри синдикатов, как и вне их, за полное осуществление анархизма и старались бы обезвредить всякий зародыш разложения и реакции... Очевидно, однако, что для достижения этой цели анархические организации должны быть построены и функционировать в соответствии с принципами анархизма»...

Как же Вы, г. *А. В.*, смотрите на такие суждения т. Э. Малатесты? А ведь все эти положения находятся в «Платформе», которую вы ругаете и которая на самом деле *первая выдвинула эти положения в общепрограммном порядке,* и дала *толчек* к заинтересованности ими и их разрешению. Да что и говорить: такие суждения и Э. Малатесты и всех других революционных анархо-коммунистов, господином *А. В.* и руководителями «Рассвета», давно признаны за «революционную болтовню» и за акт раз'единения «русских» людей в Америке и Канаде. Следовательно, его совсем не может интересовать та часть статьи, где говорится об анархической организованности. Ему нужна только та часть статьи, при помощи которой он смог бы очернить анархистов, не разделяющих его безпринципно-национально-антисемитической точки зрения. В противном случае он и не писал бы отзыва о «Шестом номере Пробуждения».

Г-н *А. В.* и руководители «Рассвета» давно порвали с анархической идеологией и с анархическим движением, но почему то они время от времени вывешивают на своей лавочке анархическую вывеску, тщательно подскобленную на «истинно русский» лад. Почему? Эта беспринципная группа лиц держится на рабочих организациях, порою прогрессивных. Руководить газетой, не имея никакого лица, как-то неудобно и невыгодно: можно оказаться вышвырнутыми. Так вот, чтобы не выглядывать совсем без лица, эти люди в доказательство своей прогрессивности поочередно вытаскивают то анархическую вывеску, то Милюковскую, то Керенскую, а когда надо и монархическую. Но несомненно, последние для них много ближе первой. Анархизмом Бакунина, Кропоткина, Малатесты и др. эта группа прикрывается пред читателями «Рассвета» и «Пробуждения», дабы скрыть свою беспринципность и ложь, так само, как скрывает свою ложь поп, прикрывающийся именем Христа.

Что же касается вопроса г. *А. В.* о том, куда Парижская Группа Русских Анархо-Коммунистов ведет своих последователей, то насколько нам известны намерения и деятельность этой группы, мы считаем нужным обратить внимание г. *А. В.* на прошлое этой группы. Люди из Группы Русск. Ан.-Ком. во время Русской Революции вели рабочих и крестьян не к капиталистической кабале и не к большевистской диктатуре и деспотизму, а к экономическому равенству и политической и духовной свободе. И потерпев поражение, благодаря распыленности анархических сил, с одной стороны, и из-за превосходства сил врагов, с другой, эти люди, желая избежать подобных ошибок в будущем, призывают всех анархистов, чьим идеалом является коммунистический анархизм, об'единиться не вокруг устава страхового общества (взаимопомощи), пред которым г. *А. В.* преклоняется, а вокруг анархо-коммунистической программы или «Платформы». Вот куда г. *А. В.*, Париж. Группа Русск. Ан.-Ком. зовет своих последователей и все трудовые массы вообще.

Куда же Вы, г. *А. В.* со своими братьями «по духу» и «по делу», ведете своих последователей?

Дорога, по которой Вы хотели бы вести трудовые массы, идет и к монархизму и к капитализму, и к большевизму, но ни в коем случае не к анархизму. Ваша беспринципная, антиреволюционная, националистическая деятельность свидетельствует об этом.

Г. Балтимор.

Ф. С.

(Окончание в следующем номере).

Ослиные копыта „Пробуждения"

В «Пробуждении» № 6 некий Е. Н. удостоил нас своим вниманием и своей критикой. Обращаем внимание на его писание исключительно для того, чтобы показать товарищам рабочим, какою скудостью доказательств и каким огромным нахальством обладает наш «культурный» противник.

Автор начинает с критики «кошмарной, так называемой, октябрьской революции». В великой революции, положившей конец помещичьему строю России, остановившей капиталистическое развитие страны, по крайней мере, в том направлении, в каком развивались капиталистические страны Западной Европы, — он видит только «кошмар». В этом своем диагнозе русской революции, нужно отдать полную справедливость автору, он полный новатор. До сих пор споры между публицистами всех решительно направлений, начиная от самых реакционных,

шли единственно в плоскости, насколько для страны такой резкий перелом в своем экономическом развитии, является спасительным или пагубным. Мы, анархисты, утверждали и утверждаем, что организация большевиками нового государства на место распавшегося старого, связала производительные силы страны и инициативу трудящихся в стремлении создать новое общество. Этот тезис оспаривается государственниками различных направлений. Но считать русскую революцию «кошмаром», в котором «виноваты не только большевики, но и весь русский народ», — это замечательно! Это в полном смысле слова «революция» в понимании русских событий, и, конечно, наука воздаст должное гениальному новатору. Единственно плохо, что нашего ученого можно обвинить в плагиате. Ведь вот уже десять лет, как тут, в эмиграции старушки, бывшие помещицы, с трясущимися головами, говоря о русской революции, стонут: «кошмар, кошмар и больше ничего». Не у них ли взял автор свою гениальную идею?

И вот под влиянием своего диагноза русских событий автор отошел от революционности и стал «культуртрегером». Бедная революция! Какая непоправимая потеря понесена ею! Но зато насколько обогатится сейчас культура от такого «глубокомысленного» работника. Поистине, нет худа без добра.

Говоря о революционерах, автор обнаруживает не только свое глубокое знание и понимание революции, но и безграничное нахальство. Он называет их «словесными» революционерами, даже дон-кихотами. Они, мол, «в безопасных местах декламируют о революции». И почему, мол, их революционность не касается Франции, Германии или Америки? Об'яснять последнее мы автору не станем. Столь гениальный культуртрегер сам наверно имеет гениальное об'яснение этому непростительному из'яну в деятельности революционеров. Но называть последних «дон-кихотами», для этого, конечно, недостаточно одной глупости, для этого нужно быть безграничным нахалом. Люди, стоящие во главе нашего движения, люди, имеющие за собой в прошлом смертные приговоры и долголетнюю каторгу, люди чудом уцелевшие в революционных боях, в которых погибло столько честных и идейных борцов за анархию, люди, готовые ежечасно жизнь свою отдать за великую идею и доказавшие на деле свою эту готовность, — эти-ли люди «дон-кихоты»? Поистине господин Е. Н., этот смешной и глупый дон-кихотствующий «культуртрегер», слишком уже выявляет свои качества, чтобы с ним стоило серьезно полемизировать. Его беспокоит одно: как бы его не назвали «либералом». Пусть успокоится. Плоды его головы, так девственно нетронутой ни умом, ни знаниями, ни к какой категории политических писаний причислены быть не могут. А великое дело революционного освобождения рабочего класса от ляганий его ослиных копыт нисколько не пострадает.

Я. Л.

В защиту свободной трибуны

(Письмо из Аргентины).

В Редакцию журнала «Дело руда»

Уважаемые товарищи,

Посылаю вам для опубликования в «Дело Труда» при сем прилагаемую заметку «В защиту Свобоной Трибуны», которую Исп. Ком. Федерации Росс. Раб. Орг. Юж. Америки отказался опубликовать в федеративном органе «Голос Труда», не дав на это мне никаких мотивов.

Ни одна из всех предыдущих Исп. Ком. и Ред. Коллегий не сделала такого недостойного имени анархиста поступка, как это сделала настоящая Исп. Ком. по отношению наших идейных друзей из Секрет. Фед. Ан. Ком. Группы С. Шт. и Группы Русских Анархистов за - границей. Но, повидимому, не вся Исп. Ком. Фед. ответственна за такой резкий и несправедливый ответ вышеупомянутому Секретариату, ибо на мой письменный протест, посланный в Исп. Ком. Фед. секретарь т. П. Давидюк отвечает: «Относительно высказывания на стр. «Г. Т.» резко против Секретариата Фед. Ан. Ком. Группы С. Шт., это не что иное, как дело нашего недосмотрения. Эту резкость я уже подмечал и говорил, что я не согласен с подобным заявлением».

Теперь спрашивается, почему же один или два индивида, редактировавшие «Г. Труда» за спиной Исп. Ком. Фед. делают такое дело раз'единяющее нас (всю федерацию)? Об этом и Союзы и отд. члены Фед. должны хорошенько подумать.

Т. Ш.

Уважаемые товарищи Исп. Ком. Федерации.

Во имя справедливости нашего общего дела и великой важности для анархического мира вопроса «Платформы», посылаю вам для печати в «Голос Труда« нижеследующее:

В 283 н-ре «Г. Труда», в отделе «Почтовый ящик» Исп. Комиссия Федерации дала резкий и незаслуженный столь ответ на резолюции, присланные для «Г. Труда» Северо-Американским Секретариатом Федерации Анархо-Коммунистической Группы С. Ш.

Согласно своему заявлению, Исп. Ком. Фед. решила не подымать на стр. «Г. Т.» никакой полемики: ни по вопросу «Платформы», ни по вопросу Ан.-Ком. Партии, а поэтому самому и не дала она места на стр. «Г. Т.» и резолюциям вышеуказанного Секретариата.

Но в действительности дело обстоит иначе. Не опубликовав резолюций С. А. Сек - та, И. К. в своем ответе сделала попытку дискредитировать и С. А. Секретариат и «Платформу», а еще более она попыталась подорвать доверие со стороны масс к авторам «Платформы», обвинив их в антианархистичности и обозвав страшными разлагателями анархических рядов.

Нам достаточно известно, что и Группы, составляющие С. А. Федерацию А.-Ком., и авторы «Платформы», т. е. группа Русских Анархистов за-границей все время поддерживали с нашей Федерацией дружественные и солидарные отношения. Нередко печатались их труды в нашем органе «Голос Труда». Кроме того, авторы «Платформы» были активными участниками в Великой Русской

Революции, а главным образом, они являлись авангардом в Украинском повстанческом движении. За такую активную анархическую деятельность они изгнаны большевистским правительством за пределы России. И если они, авторы «Платформы», практически и на опыте Русской Революции убедились, что для успешного распространения и осуществления анархо-коммунистических идей необходимо создать, из так страшно раздробленных и распыленных анархических сил, крепкую, сплоченную анархическую организацию, то нам, составляющим Федерацию, необходимо отнестись серьезно к этому важному для анархистов вопросу.

Необходимо открыть стр. «Г. Труда» для всесторонней дискуссии по вопросу «Платформы», в которой высказаны способы и формы организации анархических сил в Ан.-Ком. Партию. Всесторонняя дискуссия поможет нам (я имею в виду все союзы и отдельных членов, составляющие нашу Федерацию) стать на определенную почву о присоединении или же неприсоединении нашей Фед. к А.-Ком. Партии. Окончательно выяснить и расширить этот вопрос нам нужно на предстоящем Фед. с'езде.

Мы не станем упрекать Исп. Ком. Фед. в том, что она все время на стр. «Г. Тр». обходила вопрос о «Платформе» молчанием. Но в последнее время она со своей стороны дала отрицательный ответ. Кроме того, она опубликовала на стр. «Г. Тр.» и статью великого нашего учителя, Энрико Малатесты, трактующую вопрос анархической организации и вопрос о создании Всеобщего Союза Анархистов.

Если уже опубликованы в «Г. Т.» отрицательные взгляды по вопросу о способе и форме анархического об'единения, проэктированные Группой Русских Анархистов за-границей, то справедливо будет со стороны Федерации открыть стр. «Г. Т.» и для взглядов положительной стороны. Необходимо также дать место в «Г. Т.» и резолюциям С. А. Секретариата.

Безусловно в «Платформе», согласно уже высказанным взглядам в анархической печати некоторыми анархистами, есть некоторые пункты, неудовлетворяющие всех анархистов. Но раз мы жаждем тесного об'единения, то эти пункты общими силами можно будет пополнить более целесообразными.

Самым главным и важным для нас должно быть то, что для победы над капиталом и государством мы должны тесно и дружественно организоваться в А.-К. Партию. Такого определенного анархического об'единения требуют от нас и жизнь, и современные условия и социальные события. Другого выхода нет. Итак, да здравствует сплоченность анархических сил!

Т. Шпигель.

Из газеты „Хлеб и Воля"

(1903 — 1905).

Мы даем здесь несколько характерных выдержек из статей, помещенных в «Хлеб и Воле». Авторов статей мы указать не можем: статьи в газете появлялись без подписей. Солидарность между сотрудниками была настолько полна, что выделять индивидуальную ответственность считалось излишним.

***

Из программной передовой статьи № 1, авг. 1903 г.

«Хлеб и воля! Не только хлеб, но и воля; не только воля, но и хлеб. Мы, конечно, знаем, что не только хлебом одним будет жив человек, и слово хлеб нужно понимать в самом широком смысле. Обездоленным хлеб, угнетенным воля! Таково во всей своей простоте содержание всего социального вопроса; потому - то мы и поставили на нашем знамени два эти слова, ясно резюмирующие требования рабочих масс. Борьба за хлеб, борьба за волю! Вот какова была и есть наименьшая программа рабочего с тех пор, как он начал узнавать своих врагов: собственность и государство.

В сущности борьба за свободу ведется с тех пор, как на историческую сцену появилась частная собственность, как фактор угнетения. Государство же есть нечто иное, как санкция, как внешняя оболочка системы хозяйства, имеющего своею основою частную собственность, которая в свою очередь возникла на грабеже и насильственном присвоении того, что прежде являлось общим достоянием. Изучение истории революционного движения еще больше укрепляет нас в этом убеждении, ибо мы видим, что всякое освободительное движение угнетенных всегда руководилось двумя целями: экономическая свобода и свобода личности.

...Мы хотим содействовать созданию такого строя, где *все будут производить на пользу всех.* В этом отношении мы являемся *коммунистами* и этот пункт нашего идеала мы обозначаем словом *хлеб.*

Но что хлеб в неволе?! Не менее хлеба человеку нужна свобода. Потому-то борцы, предшествовавшие нам в борьбе за народное дело, никогда не забывали *волю.* Человек в действительности только тогда будет счастлив, когда будут удовлетворены все его потребности, как физические, так и нравственные и умственные. Когда, кроме того, что он будет сыт, он будет иметь возможность проявлять всю накопившуюся в нем энергию, давать ход всякой зародившейся в нем инициативе. А это последнее возможно только тогда, когда личность освободится от тяготеющего над нею государственного гнета. Мы знаем из истории, что весь прогресс человечества обязан стремлению человека избавиться от всякого довлеющего его над ним гнета и проявлению личной инициативы. С другой стороны, из той же самой истории мы видим, что государство всегда являлось тормазом как того, так и другого. Следовательно, нам нужно освободиться от этого организованного насилия, называемого государством.

Короче говоря, наши стремления двоякого рода: мы стремимся к уничтожению частной собственности и к не-

редаче всего необходимого для производства (земли, орудий труда и всех богатств, накопленных человечеством) в руки самого народа; в этом мы сходимся с другими социалистами. Но в то же время мы стремимся к уничтожению государства, и в этом мы с ними расходимся...

...Уничтожение частной собственности нам обеспечит экономическое благосостояние, уничтожение государства — свободу личности. Вот почему мы говорим: *хлеб и воля.*

Но нас могут спросить, каким образом мы можем согласовать непосредственную борьбу за осуществление нашего идеала, т. е. анархического коммунизма, с так называемой насущной задачей России: низвержением абсолютизма... Не конституция, как таковая, нам нужна, т. к. мы вообще против всякого государства, а *свобода слова, печати и собраний, чтобы мы последовательнее могли вести нашу социалистическую пропаганду и ускорить социальную революцию.* Мы добьемся этого нашей энергичной и вместе с тем самостоятельной борьбой, потому что всякий союз рабочего класса с буржуазными элементами мы считаем вредным. Мы отличаемся от других революционеров, ныне работающих в России, тем, что мы конституцию не ставим даже временною целью наших усилий. Преследуя уничтожение всякого государства, *мы стремимся к ослаблению, дроблению всякой власти, как территориально, так и в ее отправлениях, чтоб в конце концов довести ее до нуля.* Конституция может явиться *временным результатом* нашей противогосударственной деятельности; тем лучше для конституционалистов, нас она нисколько не остановит в борьбе против государства. В России больше чем где-либо, мы нуждаемся в противогосударственной пропаганде. Никакая конституция не уменьшит гнет народов, населяющих Россию, если господствующий теперь у нас принцип централизации будет сохранен. Децентрализация Русской империи является неизбежной необходимостью для всех, кто серьезно и искренне думает об учреждении такого режима, который не мешал бы нормальному развитию ее обитателей. Множество мелких народностей, входящих в данное время в состав Русской империи, должны получить полную свободу выделиться совершенно, если они этого пожелают, или же войти в одну общую организацию, чему можно только радоваться, т. к. это послужит к общей пользе. Навязывать же федерацию кому бы то ни было мы считаем новозможным.. Федерация не навязывается, а в нее вступают *добровольно* свободные народы. *Свободная федерация свободных народов,* вот как мы понимаем и ставим вопрос о взаимном отношении народностей, ныне угнетаемых Русской Империей».

⁂

Из статьи: *«Аграрный вопрос и социалисты государственники»* (№ 3, окт. 1903).

«Какими бы звонкими именами не называли себя защитники государственной власти, они всегда останутся консерваторами в глубине своей души. Тот, кто хочет или считает нужным после народно-рабочей революции сохранить «государство», не может быть ни революционером, ни, тем более, социалистом. Сторонник государственности, следовательно «опеки над народом», «законности и порядка», если и бывает иногда революционером, то только — *случайно,* и всегда — *временным..* Он только против *существующей формы* власти, которую стремится видоизменить на *свой* образец. Когда же желаемое видоизменение стало уже рельным фактом, вчерашний революционер *неизбежно* превращается в консерватора. *Социалист может быть только безгосудартвенным социалистом, т. е. — анархистом.*

Вопрос о формах землепользования после ближайшей народно-рабочей революции для нас, анархистов-коммунистов, разрешается также просто и кратко, как и первый вопрос. Освобожденные общины сами решат этот вопрос. Отвергая государство, мы этим самым уже отвергаем проведение в жизнь своего идеала, анархической коммуны, насильственым образом. В освобожденных общинах нам, равноправным со всеми остальными, членам этих общин, для пропаганды своего идеала останется только личный пример, словесное убеждение и печатный станок *).

Понятно, первоначально, после первой народно-рабочей революции, формы землепользования будут очень разнообразны. Мы не боимся этого. Пусть развивается творческая способность *всех* людей, а не только *«избранных»* властителей! Все жизнеспособное выживет, все мертворожденное, урдливое, фантастическое — «увянет, не успевши расцвесть». Мы убеждены в жизнеспособности своего идеала и не боимся конкурренции других идей. *Анархическая коммуна* с общественной обработкой земли и общественным производством вообще, *основанная на принципе: «с каждого по его способностям, каждому по его потребностями», — станет идеалом всех».*

«Анархия не индивидуализм»

Анархизм не есть индивидуализм. Анархизм признает для всех равноправность существования и самозащиты от чьих бы то ни было экономических и политических посягательств. Анархист не говорит: я выше всех, — он говорит: я равен каждому, но ни отдельной личности, ни многим, я не подчинюсь — я хозяин своих поступков. Анархизм не ессть отрицание общества, не есть отрица-

---

*) Понятно, из того, что мы отрицаем пользование организованиным, государственным насилием для проведения в жизнь нашего идеала, ни один мыслящий человек не смешает нас с толстовцами. Но чего, чего не бывает в наше время! Часто умные люди прикидываются ничего не понимающими дураками с целью извратить мысль неудобного противника. Поэтому на всякий случай повторяем: *в разрушительной части нашей работы мы за насилие.* Мы стоим не только за вооруженное восстание, но и за вооруженные демонстрации, разлитой террор, за вооруженные сопротивления. В созидательной же части нашей работы мы против насилия, главным образом против организованного насилия. При неизбежности насилия, мы всегда предпочтем форму неорганизованного насилия. Например, *самосуды мы предпочитаем «суду»!*

ние организации, солидарности; он призывает к добровольной солидарности и считает освобождение человечества возможным только при условии освобождения личности. Путем организации свободных личностей, добровольно вкладывающих свой труд в общественное — оно же и личное — дело, человечество может проявить наивысшую сумму энергии и достигнуть наибольших результатов в приспособлении природы для своих целей».

(№ 3, окт. 1903).

***

Из статьи: «Нужен ли анархизм в России?»

Даже самую революцию мы, как видно, понимаем иначе, чем понимают ее писатели всех политических, буржуазных и социал-демократических партий. Для нас прежде всего является вопрос: что дало *народу* данное движение? Каких немедленных, практических результатов добился тот, чьим трудом живет вся наша цивилизация, и которому, даже в момент революции, бросают лишь корку хлеба — да еще красивыя слова о братстве, при чем этот самый народ продолжают ненавидеть так же, как его ненавидели в былое время расфранченные дворяне.

Вопрос: «Что выиграл народ в данную минуту революции?» — этот вопрос для нас бесконечно важнее всех громких, пышных фраз произнесенных в парламенте или на площади. И еще — какая новая *идея* была выдвинута народом в данном движении, даже если ему и не удалось осуществить ее вполне? Вот почему, например, мы держим *идеею свободных общин*, выдвинутых парижскими рабочими во время Коммуны 1871 года. Она является в наших глазах задачею, которую наиболее развитая часть самого французского народа наметила нам для будущего.

И, наконец, мы спрашиваем: «Какую долю участья принял народ в данном движении? Если бы какая-нибудь благодетельная волшебница могла дать народу богатство, счастье одним мановением своего волшебного жезла, мы и тогда спросили бы себя: «Принимать ли этот дар? Если это счастье — простой подарок, ведь оно не продержится. Прочно живет только то, что завоевано самим народом.

Но волшебниц нынче уже нет в истории. А в политиканов, считающих себя волшебницами и обещающих народу всякие блага, мы и вовсе не верим. Вот почему, когда мы читаем, как французские крестьяне, особенно в восточной Франции, *сами* уничтожили остатки крепостного права с 1788 года по 1793 г., *сами* отбирали назад у помещиков награбленные земли, *сами*, с вилами и дубинами в руках, заарестовали беглого короля и привели его назад в Париж, *сами* беспощадно уничтожали в деревнях все старое чиновничество, выросшее при крепостном праве, *сами* уничтожали в городах цехи, обратившиеся в руках государства в средства закрепощения городских рабочих, — мы радуемся этому движению. Мы видим в нем не только немедленное, серьезное улучшение их быта, но нечто еще более существенное: то, что в крестьянине и рабочем того времени заговорил *чловек, взбунтовавшийся* против всх насевших на него тунеядцев...

...В Западной Европе уже есть революционная традиция — у нас она только что зарождается... У нас рабство мысли, даже среди молодых революционеров, доходит до того, что одно время у нас божились марксистскою библиею, как раскольники божатся буквою евангелия, и повторяли за своими вожаками, как слова великой мудрости, самыя отчаянно-бессмысленныя изречения о необходимости «выварить мужика в фабричном котле»!!!

(№ 10, июль 1904 г.).

Письма из С.С.С.Р.

ПРОВОКАЦИЯ ГПУ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ

Дорогие товарищи,

Прошло уже более 5 лет, как мы красными «товарищами» разбросаны по всем местам ссылок, тюрем, подполья; лишь более счастливым удалось бежать за-границу. Поделиться есть чем. После облавы, которую большевики проделали над левыми группировками почти во всех городах Д. В. и арестованных тов. выслали, ГПУ не утихомирилось, а наоборот, усилило свою ретивость. Вся публика — левая — подвергалась систематическим арестам; схватят, подержат, подержат, затем освободят и снова арестуют. Каждый из тов. смотрел на эти аресты, как на некую повинность. Если проходила неделя и человек не арестовывался, то он этому только удивлялся. Арестовывались не только причастные к левым, а просто знакомые, которые вообще ничего общего не имели с революционностью. Смысл этих постоянных арестов, помимо прямой обязанности ГПУ арестовывать всех инакомыслящих, заключался в том, что, во первых, у арестованных вынуждали давать подписку служить у них, что им удавалось, примерно, Анна Давыдовна дала подписку работать. Петя Ленский дал подписку ,работает. Леня Кондеев дал подписку. Это мы говорим только о членах нашего бывшего боевого отдела, а вообще подписку дали очень многие. Во-вторых, ГПУ этим вселяло недоверие друг к другу, развивало подозрительность. В третьих, ГПУ нужно было, самое важное, точно выяснить, что делают анархисты, ведется ли у них работа. Пробившись долгое время над раскрытием несуществующей организации и окончательно убедившись в ее отсутствии, ГПУ начинает создавать собственными руками организацию анархистов. Оно чеерз Петю, он уже дал им подписку, ведет работу среди молодняка о необходимости создания нелегальной группы. ГПУ предлагает для работы совершить экспроприацию. Оно дает для этого средства, только делайте, ребята. Дело рисуется совершенно безболезненно и безопасно. Однако, Петя некоторым, кому он более верил, сказал о своей подписке и о последующих намерениях ГПУ. Картина ясна. Зная, что замышляет ГПУ, наши ребята пошли в обход ему: «Мы, мол, совершенно ушли от работы». Этот план ГПУ провалился. Но оно не покладает рук. Через того же Петю оно ведет новую «работу». Оно выдвигает план создания легального клуба анархистов, организовать издательство с разрешения власти, по типу Москвы. Зная, что это дело рук ГПУ и что оно что-то готовит, а затем, будучи принципи-

ально против всякого покровительства власти, наши товарищи от этого предложения также отказываются.

Потерпев фиаско и здесь, ГПУ ставит каждого из наших товарищей в такое положение, чтоб он нигде не мог устроиться на работу. Этим оно хочет заставить людей начать заниматься эксами: не будут же пропадать с голоду, голод заставит идти на экс. ГПУ находит себе работу, оно затрубит в прессе о бандитизме анархистов и т. д., произведет целый ряд арестов правых и виноватых, и тем покажет, что оно не зря существует. Учитывая намерение ГПУ, товарищи переносят все лишения, голодают, но от эксов воздерживаются. Продержавши достаточное время в подобном карантине, ГПУ, не оставляя этого плана, сосредоточивает все внимание на членах боевого отдела анархистов. Оно напрягает усилия собрать товарищей под каким-либо предлогом всех вместе у одного из них, а затем накрыть их, арестовать и раздуть фикцию о том, что анархисты готовились к выступлению, раскрыта организация и т. д. Узнав об этом намерении ГПУ, т-щи прекращают всякие встречи, больше двух человек не собираются, а некоторые совсем уезжают из города. Увидевши, что и эта махинация срывается, ГПУ прибегает к новой провокации. Оно приступает к исследованию работы боевого отдела анархистов при меркуловской рекации. Всю нашу боевую работу старается извратить и подогнать под рубрику бандитизма и на этом создать показательный процесс над членами бывшего боевого отдела анархистов и показать, что сама идея анархистов есть идея босяков и бандитов, ничего общего не имеющая с рабочими и крестьянами. К этой подлости ГПУ готовилось больше года, и это время нам троим, приходилось сидеть в тюрьме. В течение этого года мы два раза голодали; первый раз 10 дней, а второй — 18 дней. Мы требовали освобождения или суда.

Во время первой голодовки к нам пришел следователь и заверил нас, что дело он заканчивает, обвинительного материала он не нашел и дело посылает на прекращение. Правда, дело он послал на прекращение, но нас не освободил, а прислали нового следователя; всего их было четыре, трое отказались вести дела после ознакомления и посылали их на прекращение. Наконец, четвертый повел дела и нашел какия-то неясности, на основании чего он должен вести следствие и дело передать в суд. Обещал дело закончить в течение месяца. Мы прождали около трех месяцев, следствие не заканчивалось, решили об'явить вторую голодовку. На 18-й день голодовки к нам заявляется целая орда начальства и заверяет категорически нас, что через три дня после голодовки нас будут судить или освободят. Мы согласились; действительно, на четвертый день по окончании голодовки был назначен суд. Мы были так слабы, что не могли ходить, нас возили в суд на тюремной телеге.

Что это был за суд, — трудно представить себе смешнее комедию. Большевики обвиняли нас за террор, экспроприацию, приобретение оружия и обмундирования для партизанских отрядов, в среде которых не мало было и большевиков. Они стали на этом процессе в такое положение, что им пришлось защищать белую Меркуловскую реакцию, против которой сами же боролись. Прокурор старался всякий дефект боевой работы раздуть в элемент бандитизма, извращая самым подлым образом действительность. Этим он только еще больше ухудшал свое положение, ибо у большевиков было в миллион раз больше дефектов. Затем каждый рабочий знал работу как большевиков, так и анархистов, и каждый присутствовавший ясно видел, чего хотят большевики (а народу на суде было очень много). Во время речи прокурора публика на него свистала и шикала. Суд дважды предупреждал публику, если она не будет себя вести спокойно, то суд вынужден будет вывести ее. Когда говорил Михаил, то суд прерывал его три раза только потому, что он разоблачал большевиков. Публика была возмущена этими перерывами и вступила с судом в пререкания: на каком основании суд не дает говорить подсудимым; прокурору можно, а обвиняемому нельзя. Публика назвала суд реакционным, что большевики душат всех левых; за этот суд, кричали рабочие, если придут белые, то прокурору дадут знак отличия. Председатель суда приказывает произвести аресты. В среде присутствующих производят аресты. Публика окончательно возмущена; суд прерывает заседание и переносит его на завтра. Интересно то, что некоторые из наших товарищей почему-то не были арестованы. Воспользовавшись этим, они во время заседния суда выходят из публики и лезут к нам на скамью подсудимых; их не пускают, а они скандалят: «Как же так — кричат — их судите, а нас нет. Судить, так всех судите; мы тоже члены бывшего боевого отдела, работали вместе».

Через три дня комедия кончилась. На этом показательном суде большевики себя очень хорошо показали, сели в лужу лучше быть не может. Нас приговорили к высылке из пределов Д. Востока, как опасных и неблагонадежных. Публика, которая была в суде, устроила демонстрацию и проводила нас до тюрьмы. Через неделю после суда нас освободили и дали двухмесячную отсрочку для поправления здоровья. Прошло два месяца, мы перешли на нелегальную жизнь и уехали в Сибирь. Но большевики, еще раз провалившись, выстегавши себя на суде, хотят исправить свою ошибку. Позже мы узнали следующее. Так как наши товарищи были лишены возможности где-либо устроиться на работу, то ГПУ одному, давшему подписку, предложило в аренду рыбалку в двух верстах от города, чтобы сосредоточить всех вместе. Товарищи знали, что ГПУ что - то замышляет, но выскочить было некуда, все изголодались и в силу необходимости пошли на эту удочку. Имели некоторую надежду,что, если ГПУ до весны, половины марта, ничего не сделает, и если будет недурной улов сельди, то заработают по паре сот рублей и удерут за-границу. А о за-границе давно поговаривали, но без копейки денег никто не решался.

Проходит некоторое время, каждый чувствует, что вот-вот, что-то должно случиться. На рыбалке очень часто стали появляться шпики; каждый чувствовал себя не важно. Вдруг, однажды, кто-то из ребят шел ночью на рыбалку, и их обстреляли недалеко от рыбалки. Они удрали, а на завтра Кондеев, давший большевикам подписку, пришел к то-щам и заявляет, что ГПУ вынудило его, как своего агента, сделать экс. Оно хочет этот экс приписать анархистам, пользуясь его именем, и создать второй процесс. Предупреждаю своих товарищей об опасности. Действительно, утром ГПУ устроило налет на ряд квартир, где обитали анархисты, но там никого не было: предупрежденные, они все ушли за-границу. ГПУ тогда начало хватать кого попало и сажать в тюрьму.

Можно было бы привести еще ряд примеров, характери-

зующих провокаторскую деятельность ГПУ на Дальнем Востоке. Но о них как-нибудь в другой раз.

Харбин. *Мишуха и Костя.*

***

ИЗ ЖИЗНИ РУССКИХ МОРЯКОВ

(Письмо матроса)

... На пароходах заграничного плавания особенно четко проводится политика русского Государства-Хозяина, допускающего на работу только молчаливых и покорных рабов. Большинство команд заполнено коммунистами и комсомольцами и лишь с большим трудом допускают к этому плаванию беспартийных. Особенно же тщательно начальство препятствует поступлению матросов, имевших в прошлом какое либо даже косвенное отношение к Кронштадскому восстанию. Достигается это очень легко соединением в одной и той же личности должностей государственных, партийных и хозяйственных, например, в Ленинграде, начальник личного состава госпароходства Культберг в то же время член совета и организатор Райкома; наиболее важным его трудом являетя, однако, осведомление ГПУ, которое и помогло ему выдвинуться на это место.

Тесная связь с этим учреждением начинает чувствоваться с первоог дня службы моряка; обменивая удостоверение личности матросов на особо для них созданные мореходные книжки, эти, столь восхваляемые казенной поэзией, «гордые труженики моря» обязаны дать снять оттиски со своих пальцев, — мера, принимаемая в капиталистическом мире лишь по отношению к ярко выраженным преступникам. С этого момента зоркое око ГПУ нас не покидает; отходит ли судно в море, — двуногие и четвероногие полицейские ищейки обшаривают и обнюхивают трюм и угольные ямы; возвращается ли оно из заграницы, — та же операция; сплошь и рядом перед самым отплытием, неожиданно, отдается приказ некоторым матросам упаковать свои вещи и вернуться на берег. Если начать выяснять причину, то ГПУ ссылается на Госпароходство, а Госпароходство на ГПУ; это продолжается, пока агенты довольно недвусмысленно не об'яснят назойливому просителю, что лучше ему прекратить хлопоты, так как он давно политически неблагонадежен; и, значит, конец его матросской должности. Понятно, что эти негласные судилища очень поощряют доносы. Не даром всегда на русских пароходах живется настороженно. Перед наиболее простодушными в течение ежедневного «политчаса» мрачными, сгущенными красками расписывают иностранных шпионов, которые будут пытаться узнать тайны «социалистического отечества». А с другой стороны мысль с'еживается, потому что знаешь, что не только председатель судового комитета, но и ряд членов ячейки аккуратно «осведомляют» ГПУ. Стоит кому нибудь из нас по легкомыслию или по пьяному делу поболтать в каком нибудь иностранном порту, глядь, по возвращению уже волокут «за связь с антисоветскими элементами». А там, известно, приговор административный, разбор дела тайный. Как захочет следователь, так и представит. Понятно, старые моряки и беспартийные лишь про себя посмеиваются, когда на очередном «политчасе» трещит хлесткая агитационная фраза. «Советский моряк — хозяин своего парохода». Хозяева то мы известно какие; вот капитан выходит, будто наш приказчик, а жалованье ему идет впятеро больше нашего, о ведение же производства нашего, морского транспорта, как заговорить, когда здесь же ГПУ сидит и слушает.

И кипит в душе чувство горькое; память о бурных октябрьских днях, о голодных годах на фронтах гражданской войны, отданных с надеждой на победу равенства.

Но все же не уничтожить большевикам кронштадского матросского духа; бессильны мы сейчас, это верно, но будем заграницей вольное рабочее анархическое слово почитывать (ведь всякую охранку перехитрить можно), будем заносить мысли эти к себе домой, будем об'единяться и бороться еще будем.

В следующий раз напишу об иностранных матросах, и как за ними присматривает ГПУ.

Моряк — Н.

Диалектика большевиков

Критика, но лишь приветственная. В своем докладе на московском активе Молотов, разбивая оппозицию в пух и прах, горделиво заявил: «Партии нечего бояться широкой всесторонней критики, наоборот... Но оппозиция подходит к предс,ездовской дискуссии со своими задачами, не имеющими ничего общего с деловым обсуждением политики партии и решений ЦК» «Изв.»

Выходит так, что критику своей политики большевики не возбраняют, наоборот, — даже нуждаются в ней и приветствуют ее. Но самая эта «критика» должна на 100% приветствовать политику партии. В противном случае будь готов в Бутырки, Соловки или к стенке. Такова шибко тонкая диалектика большевиков.

***

Наконец, и враги начинают нас любить. На северокавказской партконференции «всесоюзный староста» Калинин сделал доклад, в котором порадовал партийную паству тем, что западно-европейская мелкая буржуазия проникается симпатиями к большевисткому государству. «Симпатии к нашей партии растут среди мелко-буржуазного элемента», — говорит Калинин. Жаль, что он не пояснил при этом, на какой почве эти симпатии возникли и растут. В свое время большевики, и прежде всего Ленин, писали, что ненависть к ним буржуазии они рассматривают, как доказательство своей верности пролетариату. Но то было давно. То было летом 1917 г., еще до захвата большевиками власти. С тех пор прошло 10 лет, в течении которых многое изменилось. Прошли времена, когда они на ненависть к себе буржуазии указывали с гордостью. Теперь с той же гордостью и самодовольством они указывают на ее симпатии к своему государству. Но вот задача: прежнюю ненависть к себе буржуазии они об,ясняли своей преданностью пролетариату. Неужели теперешние сипматии буржуазии они будут об'яснять все той же преданностью пролетариату? Вполне возможно, ибо диалектика большевиков чрезвычайно гибкая.

**
*

Чем глубже в капитализм, тем ближе к социализму.

Тот же Молотов на том же своем докладе задал слушателям вопрос — что собственно породило оппозицию среди большевиков? И отвечает, переломный момент в жизни трудящихся СССР. «Мы вступаем в новый момент строительства, характеризующийся небывалым ростом социалистических задач. Те, кто живут неверием в победу социализма в нашей стране, те и переживают теперь — на необычайно крупном под,еме к социализму — тяжелую оппозиционную болезнь».

Сказано просто и ясно. Не ясно одно, в чем выражается тот крупный под'ем к социализму, которого испугался даже неистовый Троцкий, тот самый Троцкий, который в октябре 1917 г. увлекал за собой всю большевистскую партию, который являлся главнейшим руководителем большевистского переворота в Петрограде и который в угоду аракчеевскому коммунизму приказывал стереть с лица «земли» любого противника этого «коммунизма». Да и теперь, насколько всем, имеющим голову на плечах, известно, Троцкий «оппозиционирует» за прежний аракчеевский коммунизм против нэповского капитализма. Этот самый нэповский капитализм Ленин еще в 1921 г. назвал отступлением на капиталистические позиции. А по Молотову, говорящему от имени Ц.К. партии, выходит, что углубление в капитализм означает под'ем социалистического строительтельства. Ну разве это плохая диалектика? . Не диалектика, а просто роскошь

Непонятные противоречия.

Критикуя пакт Келлга, передовая «Правды» от 1-го сент. с. г. пишет: «Ведь если бы действительно капиталистические державы стояли за недопущение войны, то для чего бы содержать колоссальные армии, для чего развивать бешеным темпом военную промышленность, для чего тратить все возрастающую долю национального дохода страны на вооружения?! Этого противоречия не поймет ни один рабочий, ни один крестьянин».

Все это верно. Но почему большевики думают, что рабочий и крестьянин поймут те же самые противоречия в их большевистской деятельности? Почему рабочий и крестьянин, слушая их речи о мире, должен спокойно смотреть на их вооружения?

Разве потому, что капиталистические державы вооружены и вооружаются? Но ведь последние в свою очередь ссылаются на то, что их вынуждают к этому вооружение соседей и в частности — вооружения СССР. *Слова* о мире и *дела* по вооружению проделывает *всякое государство,* как бы оно ни называлось. На то оно и государство. Большевики избегают *так* ставить вопрос, потому что они государственники такие же, как и буржуазия.

Далее, — почему *говоря* о социализме, о власти рабочих и крестьян, о равенстве, большевистское государство *на деле* окутало тех же рабочих и крестьян густой сетью полиции, надзора, беспощадным преследованием свободного пролетарского мнения, системой потовыжимания и т. д. и т. д.? Неужели такое противоречие понятно рабочим и крестьянам? Почему? Об'ясни, тонко-хитрая диалектика большевиков!

Заявление

(По поводу музея имени П. А. Кропоткина).

К анархистам!

В советской общественности у анархизма нет собственого, лично ему принадлежащего места.

Ютясь до времени на задворках большевистской истории, тем с большим возмущением реагирует он на удары предателей, именующих себя анархистами. С беспощадностью революционера он должен разоблачать их до конца и выбрасывать из анархических рядов.

Настоящее обращение посвящено Всероссийскому Общественому Комитету по увековечению памяти Петра Алексеевича Кропоткина, возникшему в Москве в 1921 г.

По всем историческим и логическим основаниям Комитет этот должен быть анархическим. Наиболее общей, полной и яркой характеристикой многогранной личности Кропоткина является бесспорно его анархическое мироощущение. На нем покоится мировое значение Кропоткина.

Но с 1925 года, частью по глубокому равнодушию к анархизму, частью по прямому попустительству Членов Исполнительного Бюро Комитета, Музей анархиста-материалиста и позитивиста Кропоткина стал цитаделью анархо-мистиков. Усвоив от анархизма без ковычек антигосударственную фразеологию, мистики, укрепившиеся в «анархической» секции Комитета, под маской освобождающейся философии, распахнули двери самым реакционным формам фетишизма.

Нам, возглашавшим всегда полную свободу мышления, как будто, не должно быть дела до анархиствующей мистики. Но как революционеры, как общественники, мы не можем быть равнодушны к агитации мистицизма, отдельные апологеты которого докатились до полного мракобесия. В музее, где хранятся памятники революции и анархизма, мистическое ханжество глумится над атеистическими мировоззрением Кропоткина. Бакунина нимбует под масона-мистика.

Преодолевая предубеждение против пестрого и многомысленного Комитета (мы не касаемся отдельных уважаемых его членов), для борьбы с отвратительным нарожаемых его членов), для борьбы с отвратительным нарostом на анархизме, мы решили войти в дом Кропоткина. Но при первых попытках осуществления нашего намерения, мы стали жертвами борьбы из-за угла и прямой провокации.

Мистики и отдельные пособники их из Исполнительного Бюро Комитета двинули привычный арсенал своих боевых средств и создали атмосферу такого грязного зловонного болота, в котором нам не могло быть места. С нами ушли из Комитета по чувству солидарности все анархисты, имеющие бесспорное право на это наименовани.

Доводим до сведения всех непосвещенных товарищей, что в Доме Кропоткина нет более места ни Кропоткину, ни анархизму. Остался музей и анархо-мистики с их реакционой философией.

Подписали:*А. Боровой; — С. Фальк; — К. Медынцев; — Н. Отверженный; — Н. Северов; — Б. Донская; — Ф. Гецци; — Андрей Андреев; — А. Елихов; — З. Гондлевская; — А. Чимбарев; — Вл. Бармаш; — Котляров; — Н. Рогдаев; — М. Кайданов; — Генадий Мудров; — Р. Чимбарева.*

Согласен с общей декларацией, но нахожу неуместными термины «предатели» и «провокация» — *В. Худолей.*

Москва, 25 марта 1928 г.

Примечание. Вышенапечатанное заявление получено Группою Русских Анархистов Заграницей, от наших московских товарищей. Имена подписавшихся служат гарантией достоверности сообщения о злокачественной деятельности мистиков в Музее имени П. А. Кропоткина.

Мы находим, однако, что наши московские товарищи совершили большую тактическую ошибку, уйдя из Музея. Этим они только еще больше развязали руки мистикам, дав им полную свободу *уродовать и губить анархическое дело в Музее.* С мистиками следует решительно и беспощадно боротся, особено если они покушаются на самую идею анархизма. Но для этой борьбы следовало остаться в Музее. Следовало приложить все усилия, чтобы освободить Музей от злокачественной «деятельности» мистиков и сделать его — Музей— хранилищем подлинной анархической иедологии и пристанищем подлинной анархической мысли.

ОсвободитьМузей от мистиков и подобных им врагов анархизма и сделать его тем, чем должен быть Музей имени П. А. Кропоткина, это задача нас анархистов и в первую очередь наших московских товарищей. Для этого следует войти в Музей и поставить господ мистиков на подлежащее им место. Таково наше мнение. Надеемся, что и други товарищи выскажутся по этому вопросу.

Редакция «Дело Труда».

„Дело Труда" — Анархистам

Товрищи! Четвертый год, в крайне тяжелых материальных условиях, почти без всякой литературной поддержки бьется «Дело Труда» за анархическую цель в кругу многочисленных наших политических противников. Номер за номером, порою с огромным физическим и моральным надрывом, журнал неуклонно идет по пути служения анархическим задачам, которые по нашему разбиваются на два разряда: а) поддержание и освещение перед широкими массами самой идеи анархизма, извращаемой государственническим социализмом и государственническим коммунизмом (большевизмом); и б) отыскание тех путей нашего движения, которые обезпечили бы ему — движению — под'ем и укрепление в рабочих массах.

Поскольку товарищи внимательно следили за работой «Дела Труда», они могли видеть, что та и другая задача последовательно выполнялись журналом: на фоне всеобщего вражеского окружения «Дело Труда» является единственным органом (мы говорим о русском направлении), который не только отстаивает анархическую мысль, но пролагает ей дальнйшие пути. Он в то же время встал на определенный путь собирания анархических сил и спайки их в один дееспособный анархический коллектив.

Таким образом, первый шаг сделан; создан и закреплен орган в общем масштабе нашего движения. Необходимо вокруг «Дела Труда» группировать наши силы, способные питать его соками анархической мысли, анархической энергии. Это дело лежит на обязанности всех анархистов, для кого анархизм не сделался еще только красивым словоупотреблением и кто готов отдать часть своих сил на служение анархическому движению.

Обращаемся ко всем товарищам, сознающим, что «Дело Труда» делает нужное и здоровое для анархизма дело, с призывом притти журналу на помощь своим сотрудничеством, участием, советом. Над анархическим журналом, притом находящемся во всеобщем вражеском окружении, должны работать все анархисты. Мы особенно настойчиво предлагаем товарищам из СССР приложить все усилия для установления постоянной связи с журналом и для организации массового сотрудничества в нем. Без постоянного притока живого материала из России журнал не сможет быть тем актуальным органом движения, каковым он должен быть. Пусть товарищи, как теоретически и литературно более подготовленные, так и менее подготовленные, пишут о всех злободневных вопросах нашего движения в СССР, о всех событиях и явлениях в жизни русского рабочего класса. Лишь благодаря такому коллективному и систематическому сотрудничеству «Дело Труда» станет рупором революционного настроения, революционной мысли и революционных исканий нашего движения и трудящихся в СССР.

Мы повторно обращаемся также к нашим организациям в Сев. Америке, Канаде, и Южн. Америке, примыкающим к «Дело Труда», принять самое живое участие, как литературное, так и организационное, в жизни журнала.

Наконец, мы предлагаем всем нашим товарищам как в России, так и во всех странах Европы и Америки, шире и полнее организовать чисто корреспондентскую связь с нами: присылать не для печати только, а для организационного и товарищеского общения с нами, сведения о своих внутриорганизационных делах, настроениях, переживаниях, о всем том, что составляет повседневную сторону жизни наших групп и отдельных товарищей.

Общими усилиями и взаимным общением мы сгруппируем свою коллективную волю и энергию на определенном конкретном деле и поможем ему и всему нашему движению идти вперед.

Время не ждет. Каждый упущеный день отомстит за себя, каждый упущеный час потребует от нас в будущем вдесятеро больших усилий.

За дело же, дорогие товарищи!

Редакция.

Акрон

(Штат Огайо, Сев. Ам.)

В газете «Рассвет» от 3 июля была помещена корреспонденция под заголовком «По Американской Руси Акрон, Огайо», за подписью В. Куль. Корреспонденция была относительно его же Кулевого мнимого Доклада.

Я не собираюсь характеризовать полностью доклад и что говорил докладчик вообще. Я лишь раз'ясню Кулеву клевету в кратком виде, дам только некоторые выдержки, как отвечал Куль на возражения своих оппонентов. Делаю я это для того, чтобы не обременять работников «Д. Труда», и не переутомлять читателя.

Начал Куль свою заметку так: «Когда-то здесь был сильный Союз Русск. Рабочих. Потом Культурно-Просветительный Клуб с хорошей библитекой. Этот клуб после Филадельфийского с'езда стал отделом Р О О В. При отделе есть свой драматический кружок, который время от времени ставит спектакли. Даже в другие города ездят. Среди акронцев есть хорошо спаянная группа культурных и способных общественных работников и организаторов (и упоминает их имена): И. Михновецкий, Гордей, Ковалевич и Трутько. Но для них в Акроне слишком малое поле для деятельности». Так повествует Куль.

В Акроне, как и в других некоторых городах в 1919 году, был многочисленный Союз Русских Рабочих с библиотекой.

Но когда нахлынула Пальмеровская реакция, разгромила союз, конфисковала библиотеку, переарестовала передовых тов. и депортировала на Бофорде в Россию, культурная организационная работа была прервана на время. Союзная конфискованная библиотека не возвращена полицией и посегодня, так как те тов., которые остались на воле, боялись идти требовать в полиции обратно книги, чтобы не попасть под арест, допартацию и другие репрессии со стороны Пальмеровщины.

Потом, через некоторый период времени нашлись вновь отважные передовые тов. и организовали «Культурно-Просветительный Клуб». Чтобы вести культурно-просветительную работу, нужны были книги. Каждый вступающй в клуб член жертвовал несколько долларов, за которые и были приобретена та библиотека, которая теперь до времени находится при отделе Р О О В. Клуб не мог вести в широком масштабе культурно-просветительной работы, так как были некоторые помехи. Но все-таки кое-как работа велась. Был сорганизован драматический кружок, ставились спектакли и другие предприятия, и всегда имели как моральный, так и материальный успех. От каждого предприятия была выручка в несколько десятков долларов. Вырученные деньги шли на следующие цели: на помощь рабочей прессе, на помощь политическим заключенным в России, на устройство лекций, на организационные расходы и т. д. Было прочитано несколько лекций, хотя те лекции не дали никакой пользы, а скорей всего вред, как для всей русской колонии в Акроне, а тем более для Клуба. Но, как говорится, нет семьи без урода. Как на зло посетил наш Акрон божий мистик г-н Е. Моравский.

Этот г-н и влил в организацию струю религиозности и патриотизма. А г-н П. Нирвана докончил. Стало недовольство среди членов, стало противодействие со стороны одних другим: что говорит один, с тем не соглашается другой; что предлагает третий — недоволен четвертый и т. д. Гордей и Ковалевич вступили членами много позже, чем был организован клуб и приобретена библиотека. Вступили Ковалевич и Гордей в клуб членами не для продуктивной работы, а, как теперь выяснилось, для дезорганизации. Своими происками Гордей и Ковалевич добились того, что клуб был преобразован в общество самообразования на том, де, основании, что клуб есть учреждение очень радикальное, пугающее широкую рабочую среду, а общество самообразования будет не так радикально. При обществе открыли детскую школу. Однако, школа просуществовала всего несколько недель и закрылась, а с ней и «Общество Самообразование», так как этим Трутькам не школа нужна была; им нужно было убить организацию каким бы то ни было путем. Через несколько времени эти Трутьки опять нашли несколько простаков церковного закала и организовали отдел страхового общества, как они сами называют Общество Взаимопомощи. Вот как стал Культурно-Просветительный Клуб отделом Р О О В, но не так, как это пишет Куль.

Теперь познакомим читателя ,что из себя представляют «организаторы», которых Куль так рекламирует.

Гордей чистокровный церковник и уже года три, как служит в церкви д'ячком. Трутько тоже церковник и всего лишь пару лет, как стал кумом самого попа. Ковалевич не более двух лет, как покумился с пономарем, заядлый националист. Михновецкий был членом и занимал должность касира в большевиткой организации «Друзья Советской России». Когда я, не так давно, спросил у И. Михновецкого, как это так, он был большевиком, потом анархистом, а теепрь перешел к церковникам и работает прилежно с церковниками, то Михновецкий мне ответил, что, мол, я беспартийный, и мне можно быть везде и во всем.

Вот какие люди возглавляют Кулевскую «организацию»

Куль пишет, что на его доклад пришли не только мужчины, а и женщины. Боюсь, чтобы не преувеличить, ибо не считал, но на мнимом докладе присутствовало не более 20 человек обоего пола. После доклада последовали вопросы. Их было мало, так как не было у кого спрашивать. Куль и на пару вопросов не мог ответить. Когда я взял слово у председателя и начал возражать, так все 4 Кулем упомянутых лица подняли собачий квартет. Мне не дали проговорить 10 минут, прервали, и Куль ничего другого не мог ответить на мое далеко не оконченное возражение, как обозвал меня большевистским ад'ютантом и пригрозил 6-ти месячным тюремным заключением, если я буду вторично возражать по адресу Куля. Этот «аргумент» лучше всего прочего рисует личность Куля.

Что касается того, будто я сравнил все общество с крепостным правом, то и здесь Куль нагло врет. Общество само по себе такое же ,как и другие страховые общества. Я нахожу, что в обществе находится много жертв, которые поверили фразам подлых агентов и попали в их сети. Эти люди невинны, они искренне думают, что делают благое дело, и несут тяжелый крест своего непонима-

ния. Я сравнил не все общество с крепостным правом, а только вожаков этого общества с крепостными помещиками, которые в свои времена захватывали людей один от другого, как теперь Нью-Иоркские вожаки стараются захватить побольше подданных от Питсбургских вожаков, а Питсбургские от Нью-Иоркских.

Вот эти вожаки и стараются наложить узду на всю русскую трудовую колонию. Но рабочим от этой разницы не будет легче. Узда останется уздой. Все эти вожаки упомянутых обществ ничто другое, как язва всей русской колонии. Всей русской рабочей колонии следует обратить серьезное внимание на эту язву и лечиться всеми мерами, чтобы избавиться.

Д. Лычек.

«БОЛЬШЕВИСТСКАЯ ДИКТАТУРА В СВЕТЕ АНАРХИЗМА»

Эта, только что вышедшая книга представляет собой опыт научного исследования большевистского строя в СССР, — его экономики и политики за 10 лет.

Содержание книги: 1. Характер русской революции. 2. Анархисты; их ошибки в революции. 3. Большевизм; теория и практика большевистской революции. 4. Советское хозяйство (нэп). А. Учет. Б. Электрофикация. 5. Советское сельское хозяйство и советская аграрная политика. 6. Безработица и положение труда в СССР. 7. Профсоюзы и кооперация в СССР. 8. Положение науки. 9. Советский бюрократизм. 10. Алкогольная политика большевиков. 11. Оппозиция в рядах ВКП. 12. Преступлнией перед революцией.

Обращаться за книгой по адресу «Дела Труда»:

M-r Franssen (pour Dielo Trouda) 9, rue de l'Eperon, Paris VI.

От издательства «Библиотека Махновцев» поступило следующее заявление:

К СВЕДЕНИЮ РУССКО-УКРАИНСКИХ РАБОЧИХ ОРГАНИЗАЦИЙ И ОТДЕЛЬНЫХ ТОВАРИЩЕЙ

Вышла из печати брошюра Н. Махно «*Махновщина и ее вчерашние союзники большевики*».

Брошюра представляет концентрированный документ революционно-исторического характера о движении махновщины, о ее роли в революции и защите последней о том, как началась и была закончена ликвидация деникинщины Повстанческой Махновской армией на Украине, а Красной армией в России, и о большевистской клевете на махновщину, на махновцев и на Махно.

Брошюра составляет 62 страницы; стоимость 35 центов.

Желающие получить брошюру, могут обращаться с требованием на нее по следующему адресу:

M-r Franssen, 9, rue de l'Eperon, Paris, VI (pour Makhno).

БУНТАРЬ

Перед самым заключением настоящего номера получен «Бунтарь» орган русских анархистов - коммунистов № 1, август, 1928 г. Буэнос-Айрес. 24 стр.

Журнал стоит на позици Организационной Платформы и полностью поддерживает идею Анархо-коммунистической Рабочей Партии.

Отчет об этом журнале дадим в след № «Дело Труда».

ОТЧЕТ КАССЫ ПОМОЩИ ПОЛИТЗАКЛЮЧЕННЫМ В РОССИИ ГРУППЫ РУССК. АНАРХИСТ. ЗАГРАНИЦЕЙ

От 15 мая по 15 сентября 1928 г.

Приход.

Остаток, согласно отчету по № 36 — 134 долл. 25 ц. — 1239 фр.

Расход.

Отправлено заключенным и ссыльным анархистам в Россию и пересылка денег — 50 долл. — 27 фр. 50 с.; товарищу в Ригу, депортированному из СССР — 10 долл. — 5 фр. 15 с.; листовки и открытки для защиты политзаключенных — 196 фр. 65 с.; отправка открыток в Россию — 16 фр. 30 с. Итого — 60 дол. 245 фр. 60 с.

Остаток на 15 сентября 1928 г. 74,25 дол. 993 фр. 40 с.

ОТЧЕТ ГРУППЫ РУССКИХ АНАРХИСТОВ ЗАГРАНИЦЕЙ ОТ 5 МАЯ ПО 5 СЕНТЯБРЯ 1928 г.

ПРИХОД.

От Клевеландской Группы через т. А. Данис (25 дол. 75 с.) — 642 фр. 50 с.; от Федерат. секретаря Балтиморы (20 дол.) — 500 фр. (из них от Т. Лычека 15 дол., из С.-Луи 3 дол., из Балтиморы 2 дол.); из Детройта, через т. Гоголя (7 дол. 85 ц.) — 196 фр. 25 с.; из Монреаля, через т. Душина (8 дол.) — 200 фр.; от т. Ромаша — 10 фр.; остаток от сумм, присланных на книгу, согласно отчету № 37-38 «Д. Тр.». — 510 фр. 75 с.; от т. Гейдора — 1 дол.; от т. Поллака — 2 дол.; через Нью-Иорк (неизвестно от кого) (10 дол.) — 248 фр. 50 с.; от т. Медыныча — 2 дол.; от т. Данилюка (5 дол. 50 ц.) — 137 фр. 50 с. от Детройтской Группы (17 дол.) — 425 фр.; от Федерации А. К. Гр. С. А. через федеративн. секретаря на погашение дефицита (200 дол.) — 5059 фр.; от т. Лазарева из Рочестера (5дол.) — 125 фр.; из Балтиморской организации (30 дол.) — 750 фр.; от Нью-Иоркской Группы (20 дол.) — 506 фр. 50 с.; от Союза Строительных Рабочих через Фосьена — 25 фр.; от т. Фельдмана через С. Ф. — 5 нем. м.; за книгу — 30 фр. 50 с.; от т. Грегуар — 5 фр.; от тт. Гейдора и Шакулы — 2 дол.; от т. Динцина — 5 фр.; от французской Группы через т. Лаз. — 50 фр. **Итого — 5 нем. м., 7 дол., 9426 фр. 50 с.**

Расход.

Экспедиция № 36 «Дела Тр.» — 212 фр. 50 с.; за переводы на немецкий язык анкеты и письмо Конгрессу и статьи (ответ Малатесте на франц. яз.) — 175 фр.; уплочено в типографию за разницу стоимости №№ 29, 32, 35 и 36 — 1300 фр.; возвращен долг т. Махно — 118 фр.; погашение дефицита по № 36 всключительно — 4484 фр. 60 с.; экспедиция № 37-38 «Дела Тр.» — 212 фр. 50 с.; дополнительная экспедиция книги — 679 фр. 70 с.; Выписка советской газеты (за авг. и сент.) — 78 фр.; в типографию за № 37-38 — 1600 фр.; в Берлин для экспедиции книг — 5 нем. м.; организационные расходы (поездки, телефоны) — 89 фр. 85 с.; — корреспонденция — 218 фр. 50 с. **Итого — 5 нем. м., 9168 фр. 65 с.**

Остаток на 5 сентября 1928 г.: 257 фр. 85 с. и 7 дол.

Gérant: L. LORÉAL

Imp. L. Beresniak, 12, rue Lagrange, Paris